В. МАЙСКІЙ, ЭНЗИСЪ, VELOX

МАРКСИЗМЪ и ВОПРОСЫ ВОЙНЫ и МИРА

Вып. I.

Издательство „КНИГА"

Петроградъ, Стремянная, 11.
тел. 511-28.

Москва, Б. Садовая, 10 кв. 33.
тел. 560-22.

·ИЗДАТЕЛЬСТВО·
„КНИГА"
ПЕТРОГРАДЪ

В. Майскій, Энзисъ, Velox.

Марксизмъ и вопросы войны и мира.

Вып. 1.

Издательство «КНИГА»
Петроградъ, Стремянная, 11. телеф. 511-28.

Дозволено Военной Цензурой. Петроградъ, 14 апрѣля 1916 г.

Тип. Петроград. Градонач., Изм. п., 8 р., д. № 20-б.

Объ «Экономическомъ засильѣ» и «Экономической кооперацiи».

Въ тотъ моментъ, когда писались эти строки, ожидалось отбытiе изъ Петрограда въ Парижъ многолюдной делегацiи бюрократовъ-промышленниковъ и парламентскихъ дѣятелей на конференцiю восьми союзныхъ державъ по экономическимъ вопросамъ.

Вопросы, которыми должна была заняться конференцiя, весьма мало обсуждались въ Россiи. А, между тѣмъ, задача, поставленная передъ делегацiей, отличалась двойственностью, внутренней противорѣчивостью.

Съ одной стороны, конференцiя созывается во имя борьбы съ германскимъ экономическимъ засильемъ. По мысли инiцiаторовъ, за настоящей войной должна послѣдовать другая, безкровная война, цѣль которой свергнуть экономическое иго «тевтонскихъ вандаловъ» и установить идиллическую «кооперацiю» проникнутыхъ правомъ и гуманностью союзниковъ.

Съ другой стороны, въ догонку отъѣзжающей делегацiи несутся предостерегающiе голоса. Ей кричатъ: какъ бы союзная кооперацiя не оказалась способомъ установленiя новаго вида засилья. Всего лишь за нѣсколько дней до отъѣзда делегацiи видный промышленникъ, членъ Государственнаго Совѣта Г. А. Крестовниковъ, говорилъ своимъ сановнымъ коллегамъ, что «Россiя представитъ на этой конференцiи тотъ заманчивый кусокъ, къ которому, несомнѣнно, будутъ тянуться всѣ руки. И наши враги и наши друзья, несо-

мнѣнно, будутъ добиваться тѣхъ условій, которыя были бы имъ выгодны. И нашимъ представителямъ нужно быть весьма сильными для того, чтобы отстоять себя не только отъ враговъ, но и отъ друзей. Не для того мы проливали кровь, чтобы, избавившись войной отъ экономической зависимости отъ Германіи, попасть въ такую же зависимость отъ какихъ-либо другихъ странъ». Да и министръ финансовъ въ томъ же засѣданіи счелъ долгомъ обусловить гостепріимное отношеніе къ дружественному чужеземному капиталу «отсутствіемъ покушеній со стороны послѣдняго на нашу хозяйственную самобытность, упроченіе коей должно оставаться нашей завѣтной цѣлью».

Правда, наша либеральная печать склонна истолковывать эти предостереженія, какъ голосъ корыстолюбиво настроенныхъ промышленниковъ, опасающихся, какъ бы въ результатѣ «коопераціи» союзниковъ, не былъ пониженъ русскій таможенный тарифъ. Извѣстная доля истины въ подобномъ утвержденіи, естественно, имѣется. Но на этотъ разъ опасенія промышленниковъ продиктованы и болѣе общими мотивами.

«Р ѣ ч ь», симпатіи которой извѣстны, осторожно формулируетъ задачи объединенія словами: «хозяйственная самостоятельность и развитіе внутреннихъ силъ Россіи не исключаетъ нѣкотораго сближенія съ союзниками».

Итакъ, съ одной стороны, воодушевленные призывы къ экономической солидарности союзниковъ во имя борьбы съ германскимъ засильемъ, съ другой стороны, опасливыя предостереженія не увлекаться экономической коопераціей, дабы не очутиться въ тискахъ новаго, быть можетъ, горшаго засилья. Можно ли назвать завиднымъ положеніе делегаціи, оказавшейся подъ гнетомъ подобной диллемы.

Делегаты другихъ странъ, особенно Англіи, отправляются въ нѣсколько иномъ настроеніи. Англичане тоже спѣшатъ на бой съ германскимъ засильемъ, имъ тоже не совсѣмъ ясно будущее, но они не боятся установленія новаго

засилья. Имъ не приходится повторять жалкихъ словъ объ охраненіи «Хозяйственной самобытности» своей страны, и отъ экономической коопераціи они ждутъ однихъ только благъ.

Понятно, откуда берется такое различіе настроеній. Англичане въ теченіе двадцати двухъ мѣсяцевъ ведутъ войну во имя возстановленія утраченной міровой гегемоніи. Ради этого англичане мобилизовали сѣверъ и югъ, Италію и Японію, Азію и Африку. Они отказались отъ традиціонной либеральной политики, склонились въ протекціонизму и ввели обязательную воинскую повинность, громоздятъ Оссу дипломатическаго искусства на Пелейонъ экономическаго давленія... Экономическая конференція — для нихъ новое средство въ борьбѣ за утраченную гегемонію. Имперіализмъ уже не является монопольной привилегіей, исключительной политикой надъ всѣми царящей Британіи, какъ это было въ срединѣ XIX вѣка. Имперіализмъ проникъ во всѣ другія хозяйственно развитыя государства и превратился во всеобщую форму государственнаго бытія современнаго капитализма. На полѣ міровой борьбы британскій имперіализмъ сталкивается со множествомъ себѣ подобныхъ. И въ то же время имперіализмъ переросъ силы отдѣльнаго государства. Задачи и цѣли, которыя онъ ставитъ себѣ, далеко превосходятъ рессурсы единичныхъ организмовъ. Какъ въ борьбѣ различныхъ группъ финансоваго капитала одной и той же страны, отдѣльные банки уступаютъ мѣсто концернамъ, отдѣльныя предпріятія —трестамъ и рингамъ, такъ и въ области борьбы національныхъ группъ финансоваго капитала на міровой почвѣ государственное единство уступаетъ мѣсто единству коалицій.

Хозяйственная жизнь давно уже не укладывается въ рамки національнаго государства. Каждый хозяйственный организмъ стремится выйти на міровой рынокъ и возможно тѣснѣе связаться съ нимъ.

Современное государство всѣми мѣрами поддерживаетъ это стремленіе, но въ то же время оно стремится охранить

свой замкнутый самодовлѣющій характеръ. Съ одной стороны, государство всячески поощряетъ внѣшнюю торговлю, привлекаетъ иностранные капиталы, регулируетъ эмиграцію; съ другой стороны, оно окружаетъ себя таможеннымъ кольцомъ и подчиняетъ экспортъ капиталовъ стратегическимъ и политическимъ цѣлямъ, отказывая въ займахъ неугоднымъ государствамъ. Въ этомъ противорѣчіи между міровыми тенденціями капиталистическаго хозяйства и національно-государственной ограниченностью экономической политики заключается основная бѣда современнаго хозяйственнаго порядка, по силѣ и значенію уступающая развѣ лишь противорѣчію труда и капитала. Внѣшнимъ выраженіемъ этого противорѣчія является имперіализмъ съ его стремленіями во внѣ и замкнутостью внутри, результатомъ его—міровая война. Какъ ни велики катаклизмы, которыми сопровождается война, но она не разрѣшила и сама по себѣ разрѣшить не въ состояніи указанное противорѣчіе. Даже наоборотъ. Насколько обострила война имперіалистскіе аппетиты воюющихъ, объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣмъ извѣстные факты о цѣляхъ, которыя ставитъ себѣ каждый участникъ. Германія уже открыто говоритъ о разныхъ аннексіяхъ на западѣ и востокѣ. Японія весьма практично устраивается на Дальнемъ Востокѣ. Италія ищетъ юго-славянскихъ земель и греческаго Эпира. Франція—Эльзасъ Лотарингіи. Англія—колоній, и т. д. Но, съ другой стороны, никогда не были такъ популярны лозунги протекціонизма, какъ во время настоящей войны. Вездѣ и повсюду заговорили о необходимости экономическаго самодовлѣнія. У насъ въ Россіи въ прошломъ году возникло сильное движеніе, принципіально направленное противъ заключенія какихъ бы то ни было и съ кѣмъ бы то ни было торговыхъ договоровъ. Указывая на послѣдствія экономической зависимости отъ Германіи, требовали, чтобы Россія превратилась въ замкнутый хозяйственный организмъ, обслуживающій самъ себя во всѣхъ случаяхъ нужды, а средствомъ къ этому указывали автономный таможенный тарифъ.

«Надо полагать, — читаемъ въ одномъ официальномъ документѣ, — что для всѣхъ европейскихъ государствъ, а для насъ въ особенности, стремленіемъ будетъ служить освобожденіе производительныхъ силъ страны, онъ продиктованъ Германіей въ 90 г.г. системы конвенціонныхъ (т. е. устанавливаемыхъ торговыми договорами) ставокъ, лишающихъ государство возможности пользоваться автономнымъ тарифомъ (отчетъ отд. пром. за 1914 г.).

Въ Германіи аграрные протекціонисты высоко подняли голову, доказывая, что если Германія до сихъ поръ «выдержала», то только благодаря хлѣбнымъ пошлинамъ, которые взрастили въ ней туземные хлѣба. Изъ этого «безспорнаго» положенія аграріи дѣлаютъ тотъ «естественный» выводъ, что спасеніе Германіи въ дальнѣйшемъ повышеніи пошлинъ, — на случай новой войны.

Еще ярче переворотъ, происшедшій въ Англіи. Свободная торговля повержена во прахъ. Коалиціонный кабинетъ все больше склоняется къ протекціонизму. Цитадель свободной торговли—манчестерская торговая палата—капитулировала. На съѣздѣ всѣхъ торговыхъ палатъ, собравшемъ пятьсотъ представителей, принята резолюція въ пользу тарифной реформы. Въ числѣ представителей Англіи на экономической конференціи находимъ Бонаръ Лоу, президента лиги тарифной реформы, и яраго протекціониста австралійскаго премьера Ниднея.

Необыкновенная популярность протекціонизма не должна удивлять. Она стоитъ въ связи съ общей побѣдой—будемъ надѣяться, временной—имперіалистской идеологіи; она обусловлена и той экономической и финансовой разрухой, которая явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ войны. Пройдетъ не мало времени, прежде, чѣмъ удастся возстановить разрушенныя области, оживить невспаханныя поля, пустить полнымъ ходомъ фабричные станки, пристроить безконечную армію инвалидовъ. Потребуются грандіозныя усилія, чтобы привлечь внутрь страны необходимые капиталы. Потребуются

и героическія мѣры, чтобы обезопасить туземныхъ аграріевъ и промышленниковъ отъ конкуренціи нейтральныхъ государствъ, сдѣлавшихъ карьеру на войнѣ. Необходимо будетъ подумать и объ укрѣпленіи финансоваго положенія, въ частности о подъемѣ обезцѣненной валюты. Средство къ этому уже теперь избрано въ ограниченіи иностраннаго привоза, прежде всего, предметовъ роскоши. Но это средство эксплоатируется и для непосредственнаго пополненія казны, путемъ фискальнаго повышенія пошлинъ (въ Россіи, Англіи и пр.). Въ общемъ и цѣломъ получается рецидивъ меркантилистской политики временъ абсолютной монархіи. Это, конечно, очень печально для нашей современной культуры, отброшенной сразу на сотни лѣтъ назадъ. Но это фактъ, что имперіализмъ 20 вѣка долженъ былъ вернуться къ меркантилизму, подстегиваемый обезцѣненіемъ валюты и вдохновляемый законами противъ роскоши. Противорѣчіе между міровымъ размахомъ народнаго хозяйства и мелочно государственной меркантильностью только возможно благодаря такому рецидиву.

Но въ то же время противорѣчіе между объективными тенденціями хозяйства и субъективными разсчетами государственной политики вышло на болѣе широкій историческій путь, приняло болѣе значительный объемъ. Борьба государствъ смѣнилась борьбой коалицій. Міръ распался на три равновеликихъ коалиціи. Во главѣ первой изъ нихъ стала Германія, во главѣ второй — Англія, во главѣ третьей—Соединенные Штаты, т. е. тѣ три государства, которыя и до войны оспаривали другъ у друга первенство. Каждая коалиція стремится къ установленію возможно болѣе тѣснаго внутренняго единства. Обѣ европейскія коалиціи прошли въ своемъ развитіи одинаковые этапы, съ той лишь разницей, что германская коалиція по временамъ опережала противную и превосходила ее законченностью формъ. Первымъ этапомъ была «финансовая взаимопомощь», за ней послѣдовала помощь оружіемъ и военными припасами, наконецъ, теперь

идетъ дѣло объ экономической кооперации. Такъ воинствующій имперіализмъ подготовляетъ условія своего отрицанія, переходя въ фазисъ апогейнаго развитія.

Но коалиціи, сами по себѣ, не являются отрицаніемъ имперіализма, хотя на фронтѣ каждой изъ нихъ и красуется заповѣдь вѣчнаго мира. Даже и внутри коалицій, — не говоря уже о намѣреніяхъ во внѣ, — не господствуетъ духъ равенства. Отношенія строятся по типу гегемоніи и зависимой «вѣрности». Разстояніе, отдѣлявшее культуру болѣе развитыхъ странъ отъ культуры менѣе развитыхъ, за время войны возросло.

Мы имѣемъ возможность сослаться на докладъ, представленный по интересующему вопросу совѣту съѣздовъ представителей торговли и промышленности. Въ этомъ докладѣ, между прочимъ, предлагется признать, что на «экономически свободныя плечи Россіи было возложено непропорціонально тяжелое бремя, расшатавшее ея экономическіе устои гораздо больше, чѣмъ устои союзниковъ». Мысль докладчика нуждается въ нѣкоторой поправкѣ. Не только Россія, но и всякое отсталое государство, несетъ на алтарь войны больше жертвъ, чѣмъ государство капиталистически болѣе развитое. Наивныя розсказни Туганъ-Барановскаго и иже съ нимъ, отдавшихъ научную мысль на службу интересамъ опредѣленнаго рода, розсказни, будто страны земледѣльческія, хозяйственно отсталыя, пользуются преимуществомъ въ борьбѣ съ экономически болѣе развитыми, могутъ вызывать одну лишь улыбку. Туганъ-Барановскій, напр., завѣрялъ еще до войны, что таможенная война съ Германіей для послѣдней страшнѣе, чѣмъ для Россіи. Германія больше нуждается въ привозѣ русскаго хлѣба и сырья, чѣмъ Россія въ его вывозѣ. То же самое онъ повторялъ, когда вспыхнула война, предрѣшая Германіи скорую гибель отъ голода, а Россіи предсказывая полное хозяйственное благополучіе, обусловленное ея экономической отсталостью. Случилось, какъ извѣстно, не совсѣмъ согласно предсказаніямъ профессора. Вновь оправда-

лось положеніе, при которомъ говорятъ: «мы страдаемъ не только отъ развитія капитализма, но и отъ недоразвитія его». Капитализмъ обнаружилъ громадную мощь и громадную степень сопротивляемости разрушительнымъ вліяніямъ войны. Чѣмъ полнѣе развилъ капитализмъ свои качества, тѣмъ сильнѣе становилась его сопротивляемость. Пресловутое «приспособленіе» хозяйственнаго организма было возможно только тамъ, гдѣ рессурсы находились въ избыткѣ и производительныя силы далеко переросли нормальныя потребности внутренняго рынка. «Мобилизація промышленности» была по плечу только тѣмъ, кто, обладая громадными экспортными излишками, безконечно высокой техникой и интеллигентнымъ трудовымъ населеніемъ, могъ въ короткое время перестроить все направленіе промышленной жизни. Организація хозяйственнаго процесса удалась только тѣмъ, кто и въ мирное время успѣлъ пропитать всю культурную жизнь идеей организаціи, замѣнивъ индивидуально особенную ячейку коллективными усиліями организованныхъ группъ, поставивъ на мѣсто рабочаго — рабочій союзъ, на мѣсто фабриканта — хозяйственный трестъ, на мѣсто купца —торговую палату, на мѣсту крестьянина — кооперативное товарищество, на мѣсто бюрократа—организатора государственной жизни.

Болѣе двадцати мѣсяцевъ идетъ война культуръ, и «Русскій Инвалидъ» былъ правъ, когда, лѣтомъ прошлаго года, писалъ, что въ этой войнѣ побѣждаетъ мастеровой, высшій носитель культуры. Но такая обусловленность побѣды высшей культурой не можетъ не наложить глубочайшаго слѣда на хозяйственное положеніе воюющихъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорилъ цитированный докладчикъ совѣта съѣздовъ. И въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ германскую коалицію. Кто въ ней наиболѣе пострадалъ отъ войны — высококапиталистическая Германія, полуземледѣльческая Австро-Венгрія, еще патріархальная Турція. Отвѣтъ получить нетрудно. Достаточно сравнить ростъ цѣнъ, ростъ бумажнаго

обращенія, внѣшнюю задолженность, паденіе валюты, сокращеніе посѣвовъ въ каждой изъ трехъ странъ. Четверное согласіе развивалось подъ дѣйствіемъ того же закона.

Самымъ чувствительнымъ мѣстомъ — въ особенности при теперешнихъ бѣшеныхъ затратахъ — у странъ отсталыхъ, сказались финансы. Бѣдныя страны не въ состояніи были выдержать и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и уже полтора года тому назадъ обратились за помощью къ болѣе богатымъ союзникамъ. Сначала эта помощь предоставлялась довольно охотно и на скромныхъ условіяхъ. Но, по мѣрѣ того, какъ и сами богатыя страны истощались, условія кредита становились все болѣе суровыми. Такъ напримѣръ, послѣдній заемъ, заключенный Венгріей въ Германіи, сопровождался предоставленіемъ Deutsche Bank—директоръ его, Гельферихъ, нынѣ состоитъ германскимъ министромъ финансовъ — громадныхъ концессій на постройку желѣзныхъ дорогъ и эксплоатацію горныхъ богатствъ.

Расходы, которыхъ война потребовала отъ Россіи, далеко превзошли ея обычные рессурсы. До послѣдняго времени расходы расли «crescendo». Увеличивалась численность арміи, умножалось и совершенствовалась вооруженіе, расли цѣны, разыгрывались аппетиты поставщиковъ. Еще въ началѣ войны ежедневный расходъ Россіи исчислялся въ 15 милліоновъ, во время лѣтней сессіи Думы онъ достигъ 19-ти милліоновъ, а недавно, во время обсужденія бюджета на 1916 г., Баркъ назвалъ 31 милліонъ рублей, какъ сумму дневного расхода. 20 мѣсяцевъ войны стоили намъ около 13 милліардовъ рублей, считая однѣ только непосредственныя затраты казны. Эта сумма въ четыре раза превосходитъ обыкновенный годичный бюджетъ Россіи и въ семь разъ превышаетъ годовыя сбереженія. Чтобы изыскать столь громадныя суммы, пришлось прибѣгнуть къ крупнымъ позаимствованіямъ изъ національнаго капитала. Если Англія покрыла свои расходы налогами и займами, если Германія пользовалась, главнымъ образомъ, займами и тонкой организаціей народнаго кре-

дита, то Россія должна была обратиться преимущественно къ выпуску кредитныхъ билетовъ. Налоговой прессъ и раньше давилъ съ максимальной безпощадностью; займы дали лишь четвертую часть всѣхъ потребныхъ суммъ, и только печатный станокъ могъ работать безъ всякихъ ограниченій. Вдобавокъ, экспортъ прекратился, ввозъ шелъ сравнительно интенсивно. Въ итогѣ получилось сильное паденіе курсовъ. Фунтъ стерлинговъ цѣнится вмѣсто 9 руб. 45 к. — 14 руб. 90 коп. Франкъ (Франція) вмѣсто 37,5 коп. — 52,5 коп., и т. д. Пришлось апеллировать къ помощи союзниковъ. Но Франція и сама оказалась въ затруднительномъ положеніи, и ссудила намъ всего около одного милліарда. Англія же въ послѣднюю поѣздку Барка предъявила очень серьезныя условія. Въ точности эти условія до сихъ поръ неизвѣстны. Но насколько можно судить по опубликованнымъ даннымъ, Англія не предоставила намъ никакой наличности, но только взялась расплачиваться по нашимъ иностраннымъ заказамъ, подчинивъ эти заказы своему дѣловому контролю. Ни одинъ заказъ въ Англіи или Америкѣ не можетъ быть сдѣланъ безъ согласія особаго комитета въ Лондонѣ, ни одна машина не можетъ быть выписана безъ одобренія комитета. И хотя къ комитету прикомандированы и русскіе и французскіе чины, но, разумѣется, это не устраняетъ основного факта: рѣшающей воли Англіи въ дѣлахъ комитета. Ея деньги—ея власть. И такъ, эта власть даетъ себя чувствовать, что П. Л. Баркъ отправляется въ новое путешствіе, желая добиться болѣе свободнаго распоряженія Россіи предоставленными ей кредитами. Въ аналогичномъ положеніи оказалась Италія и отчасти даже Франція.

Финансовая зависимость, охарактеризованная въ предыдущихъ странахъ, усугубляется еще однимъ пунктомъ соглашенія, заключеннаго въ ту же поѣздку П. Л. Барка. Англія взялась гарантировать наше кредитное обращеніе. Послѣднее, какъ извѣстно, гарантируется у насъ готовымъ запасомъ Государственнаго банка. До войны количество кре-

дитныхъ билетовъ, находящихся въ обращенiи, могло превышать золотой запасъ Государственнаго банка лишь на триста миллiоновъ рублей. Немедленно по объявленiи войны право Государственнаго банка на выпускъ непокрытыхъ золотомъ билетовъ, было расширено до 1½ миллiардовъ рублей, въ мартѣ — до 2½, въ августѣ — до 3½ миллiардовъ. Но и этого оказалось недостаточнымъ. Въ предвидѣнiи такого положенiя и изъ желанiя не ставить дальнѣйшее расширенiе эмиссiоннаго права Государственнаго банка въ зависимость отъ вотума Думы, П. Л. Баркъ обратился за содѣйствiемъ къ Англiи. Это содѣйствiе и было оказано. Англiя согласилась вносить на нашъ текущiй счетъ нѣкоторые кредиты, въ суммѣ до 2 миллiардовъ рублей. Эти кредиты значатся въ балансахъ Государственнаго банка подъ именемъ золота за границей. Такимъ образомъ, нашъ кредитный рубль оказался обезцѣненнымъ въ трояком видѣ: 1) золотомъ, находящимся въ кладовыхъ Государственнаго банка, 2) государственнымъ кредитомъ Россiи и 3) государственнымъ кредитомъ Англiи. Что получаетъ Англiя въ обмѣнъ за «золотое поручительство», остается невыясненнымъ. Но надо думать, что оно дано не безъ процентовъ. Во всякомъ случаѣ, обезпеченiе части нашихъ кредитныхъ билетовъ «золотомъ заграницей», не можетъ не разсматриваться, какъ форма тѣснѣйшей связи между двумя государствами, изъ нихъ одно пользуется выгодами кредитора, другое—невыгодами должника.

Параллельно финансовой зависимости идетъ зависимость матерiальная. Чѣмъ слабѣе техника и производственные ресурсы даннаго государства, тѣмъ больше приходится ему пользоваться услугами союзниковъ. Германiя и Англiя стали не только банкирами и казначеями своихъ союзниковъ, но и ихъ фабрикантами и поставщиками. Не всегда эти матерiальныя и подрядныя услуги оплачиваются однѣми только денежными компенсацiями. На примѣрѣ русско-японскаго соглашенiя мы видимъ, что къ денежнымъ компенсацiямъ мо-

гутъ присоединиться и чисто политическія, весьма вѣскаго значенія.

Финансовый и матеріальный счетъ подготовляетъ и усиливаетъ связь общеэкономическую.

Война идетъ «на истощеніе». Союзники придаютъ громадное значеніе экономической блокадѣ, которой подвергнута Германія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ воюющіе ставятъ себѣ цѣлью убить всякіе признаки экономическаго вліянія, которымъ пользовались въ странѣ теперешніе враги. Чѣмъ больше вреда, тѣмъ ближе къ цѣли, — таковъ догматъ международнаго права, ставшій на мѣсто прежнихъ идиллій «гуманизаціи войны». Иностранные подданные высылаются и заключаются въ концентраціонные лагери; имущество ихъ, движимое и недвижимое, конфискуется, предпріятія ликвидируются и т. д. Всѣ эти мѣры требуютъ объединенія. Объединеніе необходимо не только для большаго успѣха этихъ мѣръ, но и для распредѣленія отвѣтственности послѣ войны. Чѣмъ и какъ кончится война — неизвѣстно. И чѣмъ придется отвѣчать за мѣры, предпринятыя по отношенію къ вражескимъ подданнымъ, какой эффектъ дадутъ онѣ — тоже неизвѣстно. А, между тѣмъ, мѣры, о которыхъ идетъ рѣчь, принимаютъ все болѣе широкій, распространительный характеръ. Турція подвергаетъ рѣзнѣ не только иностранно-подданныхъ, но и армянъ, которыхъ она считаетъ болѣе близкими къ англо-франко-русской культурѣ. Германія сажаетъ въ концентраціонные лагери не только англійскихъ подданныхъ, но и ихъ отдаленныхъ потомковъ, давно успѣвшихъ натурализоваться. Франція отвѣчаетъ тѣмъ же, а Англія исключаетъ изъ состава биржевого общества всѣхъ нѣмцевъ, хотя и давно потерявшихъ всякую связь съ родиной и т. д., и т. д.

Эта громадная работа по экономическому искорененію требуетъ объединенія. И, разумѣется, объединеніе можетъ пойти только по линіи, ближе примыкающей къ интересамъ сильнѣйшихъ державъ. Конфискація, ликвидаціи и разореніе непріятельскихъ предпріятій связано съ гораздо большими

жертвами для тѣхъ странъ, въ которыхъ эти предпріятія наиболѣе многочисленны. Но такими странами являются по преимуществу страны, хозяйственно отсталыя. Представимъ себѣ Турцію, переполненную англо-французскими предпріятіями. Представимъ себѣ, какое вліяніе должна была оказать ликвидація этихъ предпріятій, произведенная по указкѣ германскихъ союзниковъ. Несомнѣнно, эта ликвидація несетъ для турецкаго хозяйства больше жертвъ, чѣмъ выгодъ. Когда-то еще будутъ плоды и выгоды, а уже теперь замѣчается сокращеніе посѣвовъ подъ вліяніемъ массоваго выселенія нѣмецкихъ колонистовъ. Но въ Англіи или во Франціи ничего подобнаго нѣтъ. Вдобавокъ, онѣ могутъ надѣяться занять мѣсто, освободившееся въ отсталой странѣ...

Экономическое сближеніе, однако, не исчерпывается перечисленными мѣрами экономической войны, сопровождающей вооруженную борьбу. Какъ сказано, дѣло идетъ о томъ, чтобы продолжить экономическую войну и на время политическаго мира. Въ различныхъ странахъ и среди различныхъ классовъ относятся къ этой войнѣ и ея формамъ по разному.

На сторонѣ германской коалиціи это объединеніе принимаетъ форму соглашенія о взаимныхъ таможенныхъ льготахъ между Германіей и Австро-Венгріей. Оба договаривающіяся государства въ таможенномъ отношеніи будутъ трактовать другъ друга такъ, какъ ни одно третье государство. Что же касается Болгаріи и Турціи, то съ ними отношенія примутъ нѣсколько иной характеръ: онѣ будутъ трактоваться, какъ мѣсто приложенія германскаго и австрійскаго предпринмательскаго капитала, но и съ ними ведутся сейчасъ переговоры о таможенномъ соглашеніи.

Нѣчто подобное хотятъ проектировать и въ странахъ четверного согласія. Въ Англіи сильнѣйшее протекціонистское движеніе хочетъ строить будущія отношенія въ мировомъ хозяйствѣ на слѣдующихъ основаніяхъ: Англія переходитъ къ протекціонному тарифу. Она вводитъ у себя три тарифа: первый, самый льготный—для колоній, второй, по-

строже — для союзныхъ странъ и дружественныхъ нейтральныхъ; третій—боевой—для всѣхъ остальныхъ. Англія превращается въ единую британскую имперію, опоясанную тарифомъ. Ея сношеніе съ германскимъ міромъ сводится къ минимуму. Союзники ея должны предоставить соотвѣтственныя таможенныя льготы съ одновременнымъ затрудненіемъ ввоза изъ странъ германской культуры. Англо-Франко-Итало-русская коалиція превращается въ нѣкое таможенное единство.

Во Франціи и, какъ сказано, въ Россіи относятся очень сдержанно къ такому проекту. Единство таможенной границы справедливо считается неосуществимымъ. Ни французскіе, ни итальянскіе, ни русскіе протекціонисты не хотятъ предоставлять никакихъ льготъ по ввозу англійскихъ товаровъ, дабы «не убить туземную промышленность». Они не чувствуютъ никакой необходимости въ такихъ уступкахъ, пока въ Англіи царитъ свобода торговли. Другое дѣло, если они очутятся передъ кордономъ англійскихъ таможенъ. Если Англія moti proprio вводитъ у себя таможенный тарифъ, притомъ общій для Имперіи, протекціонистамъ всѣхъ другихъ странъ волей-неволей придется пойти на договорныя уступки, чтобы обезпечить себѣ преимущественный ввозъ въ Англію и ея колоніи.

Совершитъ ли Англія подобный переходъ или нѣтъ, другой вопросъ. Приведетъ ли онъ къ желанной цѣли, опять таки другой вопросъ. Но во всякомъ случаѣ, какъ видно, экономическая кооперація союзниковъ невозможна безъ перехода Англіи къ протекціонизму. Образованіе экономической коалиціи, такимъ образомъ, не только не приводитъ къ ослабленію имперіализма, со всѣми его отрицательными послѣдствіями, но еще, наоборотъ, сопровождается новымъ торжествомъ въ его пользу: паденіемъ послѣдняго оплота свободной торговли.

Экономическая коалиція на одномъ полюсѣ означаетъ экономическій бойкотъ на другомъ. Преимущества въ пользу торговли и промышленности однѣхъ союзныхъ странъ

означаютъ ограниченія и запрещенія ввоза изъ другихъ странъ. Надо ли подчеркивать, какими новыми осложненіями грозитъ міру подобное состояніе.

Осложненія тѣмъ болѣе неизбѣжны, что въ мірѣ борются не двѣ, а три коалиціи. Допустимъ, что англо-четверная коалиція введетъ два тарифа: одинъ для враговъ, другой для друзей. По какому тарифу будетъ трактоваться третья — нейтральная, американская коалиція. Если ей будетъ предоставлены блага дружественнаго тарифа, она своей конкуренціей «убьетъ промышленность» объединившихся странъ, не иначе, чѣмъ это въ свое время сдѣлала Германія. Если ей будутъ предложены терніи вражескаго тарифа — потерпитъ ли она.

Впрочемъ, найдется не мало людей, которымъ подобная перспектива не покажется страшной. Найдется еще больше такихъ, которые возразятъ вопросомъ, что же дѣлать. Никакого другого выхода теперь нѣтъ. Ни одна изъ странъ четверного союза не можетъ мириться съ гегемоніей Англіи, ни одна изъ странъ четверного согласія не можетъ дольше сносить германское экономическое засилье. Въ частности, Россія должна такъ или иначе вырваться изъ ненавистныхъ объятій германскаго капитала, чего бы это ни стоило.

Оставимъ другія страны, сосредоточимся на отношеніяхъ Россіи и Германіи. Вникнемъ въ сущность того, что называется экономическимъ засильемъ и посмотримъ, въ какой мѣрѣ и въ какой формѣ оно проявлялось въ русско-германскихъ отношеніяхъ. Постараемся отвѣтить, насколько необходимо для развитія производительныхъ силъ въ Россіи разъ навсегда прервать съ Германіей какія бы то ни было экономическія отношенія.

Экономическое засилье возникаетъ только тамъ, гдѣ сталкиваются между собой двѣ страны разныхъ ступеней экономическаго развитія. Экономическое засилье представляетъ собой эксплуатацію народнаго хозяйства отсталой страны капиталомъ болѣе развитой страны. Экономическое засилье мы

наблюдаемъ во множествѣ колоній и въ цѣломъ рядѣ полуцивилизованныхъ странъ, ставшихъ ареной дѣятельности международнаго капитала. Извѣстная часть чистаго дохода зависимой страны уходитъ за границу, въ видѣ вознагражденія капитала. Извлеченіе этого дохода сопровождается мѣрами тяжкой репрессіи по отношенію къ туземному населенію. Съ другой страны, чужеродный капиталъ, не будучи неразрывно связанъ съ туземной культурой, ничего не предпринимаетъ для ея развитія.

Экономическое засилье можетъ проявиться въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Преимущественно оно принимаетъ форму: 1) финансовой зависимости, 2) обязательной сдачи заказовъ въ страну главенствующую, 3) особыхъ привилегій для капитала, 4) особыхъ преимуществъ по таможеннымъ отношеніямъ, 5) особыхъ отношеній на почвѣ иммиграціи и эмиграціи населенія. Въ какой же изъ этихъ формъ проявлялось германское засилье въ Россіи?

Еще до войны у насъ появились, въ связи съ обостреніемъ русско-германскихъ отношеній, нѣкоторыя работы, посвященныя выясненію роли германскаго капитала въ Россіи. Авторы, въ соотвѣтствіи съ общимъ настроеніемъ, доказывали, что капиталъ другихъ странъ лучше германскаго. Капиталъ Англіи или Франціи денаціонализируется и органически врастаетъ въ туземную промышленность, капиталъ Германіи не прерываетъ своихъ національныхъ связей даже и послѣ долгихъ лѣтъ работы въ чужомъ краю. Какія-либо объективныя основанія въ пользу такого заключенія трудно было привести. Во всѣхъ странахъ экспортируемый капиталъ вывозился, какъ капиталъ финансовый, связанный съ крупнѣйшими финансирующими институтами родины. Каждое предпріятіе, основанное въ Россіи, стремилось всю прибавочную стоимость перевести на родину. Каждое предпріятіе старалось ввести возможно большій штатъ организаторовъ, техниковъ и рабочихъ съ родины. Но единственно чѣмъ отличались капиталы разныхъ странъ, это то, что приливу германскаго ка-

питала предшествовало большое колонистское движеніе, длившееся вѣками. И въ городахъ и отчасти въ деревнѣ существовалъ значительный слой нѣмецкаго элемента, приспособившагося къ мѣстнымъ условіямъ и служившаго проводникомъ для вновь прибывающаго нѣмецкаго капитала. Промышленный германскій капиталъ шелъ по пути, проложенному многими десятилѣтіями очень оживленной и тѣсной торговли. Это придавало продвиженію германскаго капитала тотъ органическій характеръ, который отрицаютъ за нимъ упомянутые авторы. Громадная часть капитала, въ особенности примѣняемаго во многочисленныхъ единоличныхъ нѣмецкихъ предпріятіяхъ, расходовалась тутъ же въ Россіи, служа дальнѣйшему расширенію производства. Мы находимъ подтвержденіе только что высказаннаго въ офиціальной работѣ министерства финансовъ. Капиталы, полученные въ Германіи путемъ реализаціи облигацій желѣзныхъ дорогъ, уже ассимилировались въ Россіи. Они составляютъ часть русскаго народнаго хозяйства. Этотъ капиталъ не представляетъ собой серьезной опасности. Менѣе опасенъ торговый капиталъ (неорганизованный), такъ какъ онъ поддается растворенію въ томъ народномъ хозяйствѣ, гдѣ находится кругъ его дѣятельности. Точно также дѣйствующія въ Россіи единоличныя предпріятія или даже германскія акціонерныя компаніи, которыя, однако, не входятъ въ составъ простыхъ промышленныхъ группъ въ Германіи, ничего опаснаго для русскаго народнаго хозяйства не представляютъ, а, напротивъ, могутъ оказаться полезными. Такія предпріятія съ теченіемъ времени также поддаются ассимиляціи. Въ разрѣзъ интересамъ русскаго народнаго хозяйства идетъ, главнымъ образомъ, дѣйствующій въ Россіи германскій организованный акціонерный капиталъ, который по своей природѣ мѣшаетъ ассимиляціи германскихъ предпріятій въ Россіи. (Иностран. капиталы въ русскихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ Петрогр., 1915 г., изд. Мин. Фин.).

Какъ мы уже отмѣчали, во всѣхъ странахъ экспортируе-

мый капиталъ имѣетъ форму «организованнаго акціонернаго капитала». Никакими особыми льготами или преимуществами нѣмецкій капиталъ по сравненію съ капиталами другихъ странъ въ Россіи не пользуется.

Перейдемъ къ финансовой зависимости. Было время, когда германскій капиталъ принималъ дѣятельное участіе въ финансированіи русской казны. Имена Мендельсона и Блейхредера хорошо знакомы всѣмъ изучавшимъ русскіе финансы. Однако, со времени франко-русскаго союза центръ тяжести русской государственной задолженности рѣшительно перемѣстился въ Парижъ, а въ послѣднее время въ Лондонъ. Германскій капиталъ вообще неохотно обращается въ государственныя цѣнности, не довольствуясь относительно низкими процентами по облигаціямъ. Германскій капиталъ предпочитаетъ акціонерную форму и вмѣсто ссуднаго процента добивается дивиденда. Но даже и акціонерный капиталъ въ послѣднее время мало притекалъ въ Россію, рѣшительно уступивъ первенство англо-французскому. Въ частности, нѣкоторые нѣмецкіе банки (Сибирскій и др.) перешли къ французамъ и англичанамъ, которые даже создали свои спеціальные банки (Русско-французскій и Русско-англійскій). Причина этого заключается, во 1-хъ, въ томъ, что міровая война предчувствовалась въ дѣловыхъ сферахъ уже во время марокканскаго столкновенія; во 2-хъ, въ томъ, что германскій капиталъ у себя на родинѣ работаетъ съ большей прибылью, чѣмъ въ Россіи. Культурно-политическая отсталость страны не даетъ возможности использовать даже выгоды первоначальнаго накопленія.

Третья форма зависимости — импортъ капитала подъ условіемъ сдачи части казенныхъ заказовъ въ страну, эксплоатирующую капиталъ, — является системой въ полномъ смыслѣ слова международной. Но насколько можно судить, наибольшее развитіе эта система получила во Франціи. И это понятно. Въ рукахъ Франціи громадныя сбереженія, ищущія помѣщенія въ твердыхъ государственныхъ займахъ, промы-

шленность же ея далеко отстаетъ отъ промышленности Англіи, Германіи или Америки. Она и представляетъ свои деньги подъ условіемъ, чтобы часть ихъ была израсходована въ видѣ заказовъ Французской промышленности. Типичнымъ для установившихся въ Россіи отношеній былъ договоръ 1912 г. о выполненіи малой судостроительной программы. Полумиллiардные заказы были тогда равномѣрно распредѣлены между тремя претендентами: Англіей, Франціей и Германіей. Заводы, возникшіе для выполненія этой программы на балтійскомъ побережьѣ, являлись отдѣленіями соотвѣтственныхъ фирмъ всѣхъ трехъ указанныхъ странъ.

Прежде чѣмъ перейти отъ капиталовъ къ товарамъ, остановимся на импортѣ и экспортѣ людей. Въ этомъ пунктѣ русско-германскія отношенія представляютъ собой крайне тяжелую картину. Русскіе рабочіе и крестьяне ежегодно въ значительныхъ массахъ переходили границы, чтобы найти заработокъ на полевыхъ работахъ въ Германіи. Рабочіе эти оказывались въ самомъ тяжеломъ положеніи, такъ какъ, благодаря режиму легитимаціи, оказывались цѣликомъ во власти юнкерскихъ конторъ по вербовкѣ. Однако, въ русско-германскомъ договорѣ имѣется только одна статья, посвященная сельско-хозяйственному отходу. Эта статья предусматриваетъ безпрепятственную выдачу безплатныхъ паспортовъ, желающимъ отправиться на заработки въ Германію. И только. Никто до сихъ поръ не интересовался положеніемъ нашихъ рабочихъ за границей. Имъ заинтересовались только тогда, когда западные помѣщики начали жаловаться на повышеніе заработной платы и недостатокъ рабочихъ, какъ результатъ отхода. Никакихъ дипломатическихъ представленій въ пользу рабочихъ никогда не дѣлалось. Единственными противниками системы легитимацій, прикрѣпляющихъ рабочаго къ помѣщику, были германскіе с.-д. союзы, протестовавшіе противъ этой системы, какъ способа пониженія платы.

Самымъ серьезнымъ пунктомъ засилья буржуазному

сознанію представляется торговый договоръ, въ той его части, которая касается таможенныхъ пошлинъ.

Наивные публицисты, ораторы и ученые любятъ изображать дѣло такъ, что Россія является жертвой въ торговыхъ сношеніяхъ съ Германіей. Какъ далеко отъ истины это умаленіе силъ Россіи, можно видѣть изъ того, что послѣдняя не только никогда покорно не принимала германскихъ притязаній, но и сама весьма часто выступала въ очень агрессивной формѣ. Въ офиціальной исторіи торговаго договора, можно прочесть, что первымъ шагомъ въ современныхъ русско-германскихъ таможенныхъ отношеніяхъ было огульное повышеніе пошлинъ со стороны Россіи (введеніе оплаты пошлины золотомъ, что было равносильно повышенію на 30%). Это произошло въ 1876—77 г.г., когда въ Германіи еще преобладало теченіе въ пользу свободы торговли, и мѣра эта привела въ ярость и Бисмарка и Евгенія Рихтера. То же самое объявленіе таможенной войны въ 1893 г. состоялось по инициативѣ Россіи.

Либеральные экономисты могли далѣе ссылаться на то, что режимъ Плеве и русско-японская война вынудили Россію въ 1904 г. принять послѣдній договоръ, несмотря на всѣ его невыгоды. Если бы Россія, говорятъ они, не была въ столь тяжкомъ положеніи и не управлялась Плеве, она никогда не перенесла бы подобнаго договора. Вѣяніе указанныхъ политическихъ факторовъ отрицать не приходится. Но нельзя забывать, что и политическое положеніе Германіи было далеко не завидно. Аграрныя пошлины вызвали крайне серьезное движеніе массъ и подъ вліяніемъ настроенія тыла Германія съ своей стороны должна была проявлять уступчивость.

Въ общемъ итогѣ можно ли утверждать вмѣстѣ съ либеральными профессорами, что государственные люди Россіи, заключивъ договоръ съ Германіей, наложили на свою родину ярмо засилья. Этого нельзя сказать. Договоръ въ общемъ и цѣломъ соотвѣтствовалъ соотношенію хозяйственныхъ

силъ той и другой страны. Можно и должно критиковать этотъ договоръ съ точки зрѣнія интересовъ народныхъ массъ и народнаго хозяйства той и другой сторонъ (такъ и дѣлали русскіе и нѣмецкіе с.-д.), но нельзя утверждать, будто договоръ явился петлей только для насъ. Съ точки зрѣнія имущихъ классовъ по ту и по сю сторону границы договоръ особыхъ нареканій вызвать не можетъ. Начать съ того, что договоръ оставилъ за Россіей право самаго высокаго обложенія германскаго ввоза. Даже и при конвенціонныхъ ставкахъ обложеніе товаровъ, ввозимыхъ въ Россію, составляетъ болѣе 30% ихъ цѣнности. Такого высокаго обложенія нѣтъ ни въ одной другой европейской странѣ. Это, конечно, очень вредно для страны, но это именно то, чего добивались отечественные протекціонисты съ Витте и Тимирязевымъ во главѣ.

Но, говорятъ, высоко и обложеніе русскаго ввоза на германской границѣ. Германскія хлѣбныя пошлины задерживаютъ русскій провозъ. Однако, даже если стать на точку зрѣнія необходимости форсированнаго вывоза изъ Россіи хлѣба, надо будетъ признать, что это утвержденіе невѣрно. По крайней мѣрѣ, единственный объективный показатель—статистика ввоза и вывоза свидѣтельствуютъ, что, несмотря на существоваіе пошлины, русскій вывозъ въ Германію за время дѣйствія договора сильно возросъ; возросъ въ такой же пропорціи, какъ и привозъ изъ Германіи. Обѣ стороны, такимъ образомъ, въ одинаковой степени несли выгоды и невыгоды договора. Мало того, вывозъ изъ Россіи въ Германію росъ, между тѣмъ, какъ вывозъ въ другія страны, въ томъ числѣ и страны свободной торговли, какова Англія, падалъ или находился въ состояніи застоя. Въ Россіи не оставалось никакихъ излишковъ, которые не находили бы размѣщенія на внѣшнемъ рынкѣ. Наоборотъ, Россія, какъ и требуется по формулѣ Вышнеградскаго, страдала отъ чрезмѣрнаго опустошенія внутренняго рынка.

Ставки германскаго тарифа такъ построены, что они относительно выше для ржи, ниже для пшеницы и еще ниже для

ячменя. Устанавливая такую градацію, Германія руководствовалась соображеніями, насколько возможно обойтись въ данной области безъ иностраннаго привоза. Но эта градація оказалась весьма выгодной для Россіи. Она содѣйствовала суженію производства низшей культуры—ржи и расширенію производства высшихъ культуръ—пшеницы и особенно ячменя.

Германскія ввозныя пошлины такъ и построены, что онѣ облагаютъ высоко готовый продуктъ и сравнительно ниже сырье. Это опять-таки сдѣлано въ интересахъ германской индустріи, которая нуждается въ дешевомъ сырьѣ и не желаетъ конкуренціи готовыхъ фабрикатовъ, привозимыхъ изъ заграницы. Эта система трактуется нашими экономистами, прислуживающими капиталу такъ, что она имѣетъ въ виду поощрить вывозъ изъ Россіи сырья и задерживать вывозъ фабрикатовъ съ цѣлью убить русскую промышленность. Однако, система болѣе низкаго обложенія сырья является обычной принадлежностью всякаго толковаго таможеннаго тарифа. И только у насъ въ Россіи дѣйствуетъ обратная система, облагающая сырье такъ же высоко, какъ и готовый фабрикатъ. Ничто не мѣшаетъ намъ, пользуясь дешевымъ сырьемъ, развить у себя обработку ихъ въ готовый продуктъ. Теперь это понимаетъ даже профессоръ Яснопольскій, который два года тому назадъ носился съ Veredelungssystem, какъ съ писаной торбой.

Наконецъ, германскія вывозныя свидѣтельства. Это дѣйствительно значительный козырь въ рукахъ Германіи. Но этотъ козырь потерялъ свое значеніе съ того момента, когда съ 1-го мая 1914 г. были введены пошлины на привозимые въ Россію хлѣбъ, муку и бобы.

Въ общемъ и цѣломъ отношенія между Россіей и Германіей строились не по типу экономическаго засилья, но по типу экономической конкуренціи. Народное хозяйство обѣихъ странъ поразительно дополняло другъ друга. Германская машинная индустрія необыкновенно хорошо приспосо-

билась къ русскому рынку; наше сельское хозяйство имѣло въ Германіи наилучшій рынокъ. Германія была во многихъ отношеніяхъ дѣятельнымъ посредникомъ между нами и міровымъ рынкомъ, такъ какъ у насъ не было ни торговаго флота, ни міровой банковой организаціи, ни правильно поставленной консульской организаціи. Подъ защитой необыкновенно высокаго таможеннаго тарифа мы не страдали на внутреннемъ рынкѣ отъ конкуренціи Германіи. Что же касается внѣшнихъ рынковъ, то именно здѣсь и заварилось то, что впослѣдствіи назвали германскимъ засильемъ. Германія отвоевывала у насъ одинъ рынокъ за другимъ. Это завоеваніе обусловливалось успѣхомъ обѣихъ странъ. Германскій экономическій прогрессъ былъ значительнѣе нашего. Мы отдали Германіи скандинавскіе и сѣверо-европейскіе хлѣбные рынки потому, что не были въ состояніи конкурировать съ германскими хлѣбными цѣнами. Техническій прогрессъ нашего сельскаго хозяйства не идетъ ни въ какое сравненіе съ германскимъ. Относительно промышленности и говорить не приходится. Между тѣмъ наши крупные землевладѣльцы и заводчики рвались на внѣшніе рынки съ такимъ ожесточеніемъ, точно въ завоеваніи этихъ рынковъ заключалось спасеніе русскаго народнаго хозяйства. На короткій моментъ—въ 1905 г. русскіе промышленники, какъ будто поняли, что Ахиллесова пята нашего народнаго хозяйства заключается въ слабости внутренняго рынка. Они тогда въ многочисленныхъ докладныхъ запискахъ взывали къ правительству, требуя энергичныхъ мѣръ по расширенію покупательной способности населенія путемъ подъема народнаго благосостоянія. Но пролетѣла буря, разсѣялись иллюзіи, потухли порывы и промышленники вкупѣ съ аграріями устремились на старые пути: къ захвату внѣшнихъ рынковъ. Но на всѣхъ прилегающихъ рынкахъ уже подвизался юнкеръ и Штуммъ, онъ стремился и въ сѣверную Персію и въ Монголію и даже въ Харбинъ, повсюду, гдѣ ему виднѣлась незадѣланная щель. Два искателя столкнулись у одного и

того же колодца. Нельзя преуменьшать значенія этихъ исканій на русской сторонѣ. Достаточно кинуть взглядъ на громадную работу по созданію экспортныхъ палатъ и организацій, характеризовавшую послѣднее пятилѣтіе, достаточно вспомнить идеологію «Великой Россіи» и инцидентъ съ монгольской автономіей, дѣятельность полковника Ляхова, балканскую войну и кое-что другое, связанное съ этимъ.

Не надо забывать, что методъ русскихъ исканій въ экономической области имѣетъ нѣкоторую особенность. Россія не чисто капиталистическое государство, въ ней жива старая дворянская служилая традиція, завоевавшая Россіи шестую часть свѣта. Русскіе заводчикъ и фабрикантъ на внѣшнемъ рынкѣ никогда не полагаются на собственныя силы. Они не выдержали бы конкуренціи съ болѣе сильными экономическими противниками. Они находятъ поддержку въ политическихъ исканіяхъ государства. Установленіе сферъ политическаго вліянія въ Россіи идетъ впереди сферъ вліянія экономическаго. Въ противоположность установившейся формулѣ впереди идетъ воинъ, за нимъ священникъ и уже третьимъ въ ряду является купецъ.

Отсюда понятенъ тотъ результатъ, который долженъ былъ получиться при столкновеніи двухъ тождественныхъ государствъ. Война стала возможна только тогда, когда успѣхи имперіалистской идеологіи сдѣлали и на востокѣ такіе же успѣхи, какъ на западѣ. Война не была фатальнымъ результатомъ экономическаго развитія двухъ государствъ, изъ которыхъ одно не могло бы развиться, не уничтоживъ другого.

Будущая экономическая политика Россіи, да и другихъ государствъ, не можетъ строиться на одностороннемъ протекціонизмѣ, хотя бы это и былъ протекціонизмъ цѣлыхъ коалицій. Имперіалистская система должна быть вырвана съ корнемъ. И это не можетъ быть достигнуто противопоставленіемъ одной коалиціи другой, это достижимо только про-

тивопоставленіемъ одной политики другой, силъ демократіи силамъ международнаго имперіализма.

Надо признать, что система торговыхъ договоровъ между опредѣленными государствами отжила свой вѣкъ. Она создала неразрѣшимыя противорѣчія между интересами договаривающихся государствъ. Она еще болѣе запутала эти противорѣчія, стремясь нѣсколько смягчить протекціонизмъ наибольшаго благопріятствованія. Образованіе отдѣльныхъ коалицій не разрѣшаетъ и не распутываетъ этихъ противорѣчій. Единственный выходъ—въ принципіальномъ отказѣ отъ воинствующаго протекціонизма и рѣшительномъ переходѣ къ системѣ свободной торговли.

Протекціонизмъ и до войны представлялся какъ препятствіе на пути развитія производительныхъ силъ отдѣльныхъ государствъ. Теперь онъ яснѣе прежняго вырисовывается и какъ препятствіе на пути развитія производительныхъ силъ мірового хозяйства, взятаго въ цѣломъ. Если международный имперіализмъ и неизбѣжный его спутникъ, протекціонизмъ—можетъ приводить къ подобнымъ катастрофамъ, какъ та, которую мы все еще переживаемъ, то уже это одно дѣлаетъ его совершенно непріемлемымъ для сознанія демократіи. Но имперіализмъ и болѣе непосредственнымъ образомъ задерживаетъ развитіе производительныхъ силъ. При господствѣ протекціонизма каждое государство стремится стать самодовлѣющимъ хозяйственнымъ организмомъ. Колоссальныя силы и средства тратятся на созданіе всѣхъ тѣхъ отраслей, которыя имѣются у сосѣдей. Всякое международное раздѣленіе труда отрицается. Приспособленіе къ естественно-экономическимъ условіямъ данной страны подмѣняется стремленіемъ быть во всѣхъ отношеніяхъ независимымъ отъ конкурентовъ. Между тѣмъ каждая страна является носительницей опредѣленныхъ отраслей промышленности. Въ свое время Англія подарила міру машиностроительную, угольную и текстильную промышленность; теперь ея конкурентка—Германія—спеціализировалась на производствѣ нѣ-

которыхъ продуктовъ металлургіи, на электротехникѣ и на химической промышленности. Логунгомъ для промышленниковъ союзныхъ державъ является пересадка тѣхъ отраслей, которыя имъ до сихъ поръ не удалось развить у себя. Дѣлается это во имя освобожденія отъ засилья.

Но съ точки зрѣнія міровой экономіи было бы раціональнѣе, если бы созданіе новыхъ формъ промышленности шло не въ путахъ завистливой конкуренціи, а въ предѣлахъ гармоническаго сотрудничества. Каждая національно-экономическая среда могла бы при этомъ условіи несравненно тѣснѣе развить свои производительные рессурсы.

Имущіе классы заняты приспособленіемъ имперіализма къ новымъ условіямъ и пытаются спасти его основы расширеніемъ національнаго начала до коалиціоннаго; демократія, рѣшительно порывая съ такой идеологіей, должна стремиться къ перестройкѣ экономической политики на новыхъ основаніяхъ. Устранимъ ли имперіализмъ до устраненія капиталистическихъ отношеній или можетъ быть устраненъ только вмѣстѣ съ послѣдними, борьба противъ имперіализма и въ частности противъ протекціонизма становится неотложной задачей. Но эта задача можетъ быть рѣшена только союзными усиліями международной демократіи.

Не такъ давно одинъ изъ трубачей либерализма, много потрудившійся надъ фразой войны, кн. Трубецкой, съ сокрушеніемъ сердечнымъ писалъ, что война не является послѣдней, какъ можно было думать въ началѣ. Князь Трубецкой объясняетъ это тѣмъ, что Германія готовилась сорокъ лѣтъ, а четверное согласіе не готовилось и потому оказалось не готово. Однако, замѣтимъ князю, что если въ ближайшія сорокъ лѣтъ мы будемъ готовиться, имперіализмъ отъ того нисколько не пострадаетъ. А между тѣмъ не только вопросъ о подготовкѣ новой войны, но и вообще о времени и способахъ ликвидаціи теперешней войны должны быть подчинены задачѣ общей борьбы съ имперіализмомъ, какъ міровой системой. Ибо это важнѣйшій вопросъ современности.

Въ частности и въ особенности для Россіи.

Россія тѣмъ отличается отъ другихъ странъ, что ея внутренній рынокъ представляется необъятнымъ. Работы по насыщенію этого рынка безконечно много. Разумѣется, мы не можемъ существовать въ видѣ изолированнаго государства, должны имѣть и ввозъ и вывозъ. Но, во-первыхъ, главной задачей должно явиться удовлетвореніе нуждъ внутренняго рынка, во-вторыхъ, мы разъ навсегда должны отказаться отъ насильственныхъ захватовъ внѣшнихъ рынковъ, ограничиваясь ихъ мирнымъ завоеваніемъ. Такое завоеваніе возможно только въ результатѣ общагo подъема народнаго хозяйства и народнаго благосостоянія.

Для рѣшенія указанной задачи вовсе не необходимо инкорпорировать Польшу. Самостоятельная Польша экономически возможна и признаніе ея отнюдь не повлечетъ за собой упадка русскаго народнаго хозяйства.

Дарданелльская проблема существуетъ лишь, какъ временная. Для мирнаго торговаго сообщенія Россія еще полтора вѣка тому назадъ обезпечила себѣ полную свободу. Кромѣ же проливовъ, Россія никакихъ другихъ интересовъ экономическаго значенія на Балканахъ не имѣетъ. Дарданелльская проблема теряетъ свою остроту съ момента замѣны имперіалистской политики демократіи.

Нѣтъ худа безъ добра, и форсированная постройка путей на сѣверъ къ Ледовитому океану обезпечила намъ незамерзающіе порта, находящіеся въ полной безопасности отъ Германіи.

Все это вмѣстѣ взятое говоритъ за то, что и русская демократія своимъ очереднымъ лозунгомъ должна вызвать лозунгъ борьбы противъ имперіализма, а не какой-либо иной. Но эта борьба невозможна въ національномъ масштабѣ, она требуетъ мобилизаціи всѣхъ родственныхъ элементовъ.

Система торговыхъ договоровъ между отдѣльными государствами отжила свой вѣкъ. Она должна уступить мѣсто коллективнымъ соглашеніямъ въ духѣ свободной торговли. Въ области экономической общее соглашеніе такъ же необходимо, какъ и въ области политической.

Veloxy.

Англійскій либерализмъ и война.

I.

До войны англійскій либерализмъ считался—и не безъ основанія считался—наиболѣе яркимъ, наиболѣе законченнымъ и совершеннымъ типомъ либерализма вообще. Это былъ классическій либерализмъ, и вдобавокъ это былъ жизненно-могущественный либерализмъ, который не только хорошія слова говоритъ, но и большія дѣла совершаетъ, который историческими условіями не оттиснутъ на положеніе постоянной безотвѣтственной оппозиціи, а, наоборотъ, поставленъ во главѣ управленія величайшей міровой имперіи. И, дѣйствительно, англійскій либерализмъ былъ не только теоретическимъ, но и глубоко практическимъ либерализмомъ. Онъ создалъ по своему образу и подобію громадную страну, онъ отлилъ свои принципы въ болѣе или менѣе законченную конкретную форму, овеществивши ихъ въ опредѣленной государственной системѣ, въ опредѣленныхъ методахъ управленія, въ опредѣленныхъ нормахъ политики. Эта практическая натура англійскаго либерализма особенно сильно импонировала родственнымъ ему теченіямъ заграницей, слишкомъ часто вынужденнымъ мачехой-судьбой неизмѣнно оставаться въ плоскости словесной абстракціи. Неудивительно, поэтому, что англійскому либерализму завидовали, на него смотрѣли, какъ на недосягаемый идеалъ, имъ вдохновлялись либерализмы другихъ странъ, внимательно и благоговѣйно всматриваясь въ основныя черты его лица.

Каковы же были эти черты?

Въ области экономической — базой англійскаго либерализма являлось всемѣрное признаніе принципа хозяйственнаго индивидуализма, такъ ярко формулированнаго въ свое время знаменитой «манчестерской» школой. Свобода конкуренціи, невмѣшательство государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ, покровительство частно-предпринимательской иниціативѣ, полное и безусловное фритрэдерство—таковы были главнѣйшіе пункты этого цѣльнаго и законченнаго символа вѣры. Не всѣ они, конечно, выдержали испытаніе болѣе, чѣмъ полувѣкового развитія. Возникновеніе различнаго рода трестовъ и синдикатовъ несомнѣнно ограничивало свободу конкуренціи; рабочее законодательство и соціальныя реформы, включительно до обязательнаго страхованія 1911 г., несомнѣнно знаменовали собой энергичное вмѣшательство государства въ отношенія между трудомъ и капиталомъ. Пошлины на чай, сахаръ, спиртъ, кофе, какао и нѣкоторые другіе продукты несомнѣнно нарушали принципъ свободы торговли. Но, хотя, такимъ образомъ, практика нерѣдко поправляла теорію,—послѣдняя все-таки продолжала сохранять нѣкоторую видимость силы и жизнеспособности. Особенно много свѣжести ей придала кампанія Д. Чемберлэна за таможенные тарифы и то страшное пораженіе, которое великій имперіалистъ понесъ на выборахъ 1906 г. Каждый, вчитываясь въ результаты этого знаменитаго народнаго голосованія, невольно говорилъ: «Нѣтъ, живъ еще курилка, живы еще Манчестеръ и свобода торговли»... И Англія въ тотъ моментъ всѣмъ не безъ основанія рисовалась какой-то исполинской скалой фритрэдерства, упрямо возвышающейся надъ волнами, все выше подымающагося міровтого протекціонистскаго прилива.

Въ области внутренно-политической фундаментомъ англійскаго либерализма являлось не менѣе рѣшительное признаніе принципа демократіи. Широкое (хотя и не всеобщее) избирательное право, всемогущій парламентъ, почти неограниченная гражданская свобода, необыкновенное развитіе мѣст-

наго самоуправленія, отсутствіе какихъ-либо законодательныхъ или административныхъ препятствій для самыхъ разнообразныхъ проявленій общественной самодѣятельности— такова была внутренно-политическая обстановка Соединеннаго Королевства на протяженіи минувшаго полувѣка.

И для того, чтобы составить себѣ болѣе ясное представленіе о почвѣ, на которой выростала британская свобода, необходимо имѣть въ виду одно специфическое обстоятельство, которое пріобрѣло необыкновенную актуальность какъ разъ въ наши дни. Я говорю объ отсутствіи въ Англіи сколько-нибудь вліятельнаго сухопутнаго милитаризма. Защищенная отъ вражескихъ нашествій 35-верстной полосой воды, Великобританія могла на протяженіи всей своей исторіи обходиться безъ наличности большой постоянной арміи, и это естественно не способствовало развитію въ ней «военнаго духа» и «военныхъ традицій». Съ другой стороны, либеральной буржуазіи вплоть до 1832 г. приходилось вести упорную борьбу за власть съ королемъ и феодальнымъ дворянствомъ, опиравшимися какъ разъ на рукоятку меча,—это дѣлало армію еще менѣе популярной въ глазахъ населенія, еще болѣе усиливало отвращеніе къ ней въ рядахъ прогрессивнаго бюргерства. И когда это послѣднее само, наконецъ, стало у кормила правленія, то оно, конечно, было меньше всего расположено вызывать «дьявола» изъ преисподней. Всеобщей воинской повинности введено не было, не было создано и многочисленной постоянной арміи, тѣмъ болѣе, что международное положеніе Англіи вплоть до конца XIX ст. не предъявляло къ ней никакихъ серьезныхъ военно-сухопутныхъ требованій. Еще наканунѣ нынѣшней войны наличныя боевыя силы имперіи мирнаго состава на сушѣ исчислялись въ 250 тыс. чел. и, такъ какъ значительная часть ихъ всегда находилась въ колоніяхъ, то на территоріи метрополіи никогда не бывало болѣе 150 тыс. человѣкъ.

Между тѣмъ это отсутствіе въ странѣ сухопутнаго милитаризма и порождаемаго имъ «военнаго духа» имѣло чрезвы-

чайно важныя политическія послѣдствія. Англія очень рано индустріализовалась, и уже ко второй половинѣ XIX в. большинство ея населенія состояло изъ недовольныхъ, безпокойныхъ и вѣчно къ чему-то стремящихся массъ пролетаріата. Господствующая буржуазія, лишенная возможности опираться въ своей внутренней политикѣ на аргументъ сабли и штыка, вынуждена была изыскивать иные способы подчиненія себѣ непокорной стихіи, вынуждена была заботиться о духовномъ плѣненіи трудящихся классовъ, вынуждена также въ извѣстной степени просто «ладить» съ ними. Отсюда—классически англійская «политика компромисса», отсюда—предусмотрительная система «уступокъ сверху» требованіямъ народа, отсюда же постепенная, шагъ за шагомъ слѣдующая демократизація государственнаго режима. Указанная причина, объясняющая намъ нарожденіе почти безграничной политической свободы Англіи на протяженіи минувшаго полувѣка, конечно, не единственная—были и другія; но она, во всякомъ случаѣ, одна изъ самыхъ главныхъ, если не самая главная.

Демократія дома гармонично дополнялась демократіей за предѣлами: цѣлый рядъ крупныхъ колоній — Канада, Австралія, Новая Зеландія и др., безъ особыхъ затрудненій, добились полной автономіи и очень скоро стали образцомъ демократическаго правленія даже и для матери-метрополіи. Эта прочно установившаяся репутація Англіи, какъ истиннаго воплощенія началъ свободной гражданственности, получила необыкновенно яркое и даже трогательное подтвержденіе въ фактѣ дарованія ею въ 1907 г. широкаго самоуправленія Трансваалью и Оранжевой Республикѣ, всего лишь за 5 лѣтъ передъ тѣмъ силою оружія присоединеннымъ къ составу Британской имперіи.

Правда, на лучезарномъ политическомъ щитѣ англійскаго либерализма имѣлись и свои темныя пятна: имѣлась Ирландія, имѣлась Индія, имѣлся Египетъ, имѣлось попустительство избіеніямъ христіанъ въ Турціи (въ 1876 году въ Бол-

гаріи, въ 1894—95 г.г. въ Арменіи) и нѣкоторые другіе грѣхи, но, въ концѣ концовъ, кто-жъ безъ грѣха? Въ общемъ и цѣломъ все-таки лучезарность несомнѣнно сохранялась и для посторонняго, въ частности русскаго, наблюдателя складки и морщины либеральнаго лица не такъ ужъ ярко били въ глаза.

Въ сферѣ внѣшней политики основнымъ принципомъ или, пожалуй, точнѣе, основнымъ настроеніемъ англійскаго либерализма являлся «пацифизмъ». Я нарочно поставилъ слово пацифизмъ въ кавычки, ибо, какъ увидимъ ниже, пацифизмъ этотъ былъ нѣсколько особеннаго свойства. Британскій либерализмъ сложился, какъ рѣшающая государственная сила, въ тотъ періодъ, когда островное королевство неоспоримо господствовало надъ рынками обоихъ полушарій, оно было единственной высоко развитой въ капиталистическомъ отношеніи страной, оно было фабрикой и мастерской всего міра. Ни германскаго, ни сѣверо-американскаго конкурентовъ еще не существовало. Протекціонизмъ на континентѣ находился въ пеленкахъ. Никакого экономическаго соперничества опасаться ни откуда не приходилось. Отсюда естественно вытекала приверженность либерализма къ принципамъ свободы торговли, ибо такимъ путемъ Англія вѣрнѣе всего обезпечивала себѣ дешевое сырье для промышленности и дешевый хлѣбъ для рабочихъ и одновременно гарантировала себѣ безпрепятственный доступъ къ иностраннымъ рынкамъ. Но отсюда столь же естественно вытекало и миролюбіе либерализма, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ европейскимъ народамъ: не было ни поводовъ, ни стимуловъ культивировать какую-либо спеціальную вражду къ тѣмъ или инымъ націямъ, грозить имъ бронированнымъ кулакомъ, вести съ ними упорныя и кровопролитныя войны. Рано упрочившіяся формы политической демократіи также мало способствовали воспитанію агрессивно-воинственнаго духа въ населеніи. Въ результатѣ, Англія середины XIX в. и позже не любила безъ крайней надобности

бряцать въ Европѣ мечемъ и предпочитала спокойно заниматься своимъ «Business», своимъ дѣломъ, спокойно производить и продавать товары, спокойно наслаждаться благами своего политическаго строя и спокойно богатѣть на монопольной эксплоатаціи мірового рынка. И подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ историческихъ обстоятельствъ англійскій либерализмъ принялъ въ сферѣ международныхъ отношеній нѣсколько особый, я бы сказалъ, пацифистскій оттѣнокъ. Его идеологи любили изображать земной шаръ въ видѣ огромной производственной семьи, въ которой господствуетъ гармоничное раздѣленіе труда между отдѣльными странами и народами, при чемъ (надо ли это говорить?) на долю Великобританіи всегда приходилась, конечно, завидная роль экономическаго вождя человѣчества.

Впрочемъ, пацифизмъ англійскаго либерализма необходимо принимать съ двумя весьма существенными оговорками. Во-первыхъ, внѣ предѣловъ Европы его политика менѣе всего могла претендовать на имя миролюбивой. Если взять хотя бы только послѣднія четыре съ половиной десятилѣтія (послѣ 1870 г.), то окажется, что за этотъ періодъ Великобританія тѣмъ или инымъ способомъ въ Азіи, Африкѣ и Австраліи «пріобрѣла» (большею частью путемъ завоеваній) территорію, по площади равняющуюся территоріи всей Европы, съ населеніемъ не меньше 47 милл. *). Во-вторыхъ, крайне неохотно бряцая мечемъ, либерализмъ одновременно очень охотно потрясалъ трезубцемъ Нептуна и не жалѣлъ денегъ на усиленіе британскаго флота.

---

*) Въ Азіи были «пріобрѣтены»: Сѣв. Борнео (1877), Кипръ (1878), Саравакъ (1888), Бруней (1888), Вей-Хай-Вей (1898), Малайскія государства (1874—1909). Въ Африкѣ: Египетъ (1882), Сомали (1884), Вост. Африка (1888), Родезія (1889), Занзибаръ (1890), Ніаза (1891), Нигерія (1891), Уганда (1894), Бечуанлэндъ (1895), Суданъ (1898), Трансвааль и Оранжевая Республика (1900). Въ Австраліи: Папуа (1884) и Тихоокеанскіе острова (1893—1906). Всего около 3.600.000 кв. миль.

Достаточно сказать, что расходы Англіи на морское министерство съ 1871 г. по 1914 г. возрасли съ 9,9 милл. ф. до 48,8 милл. ф. или на 393%. Такъ какъ въ томъ же 1914 г. армія поглотила 28,3 м. ф., то общая сумма расходовъ Соединеннаго Королевства на дѣло «національной обороны» достигла 77,1 милл. ф. или около 33 шилл. на голову населенія. Въ томъ же 1914 г. расходы Германіи на дѣло «національной обороны» равнялись въ суммѣ 83,0 милл. ф. (армія—60, флотъ—23 м. ф.) или около 26 шилл. на голову населенія. Какъ видимъ, военные расходы милитаристской Германіи и пацифистской Англіи наканунѣ великой катастрофы абсолютно были почти одинаковы, относительно—значительно выше въ Соединенномъ Королевствѣ. Все дѣло только въ томъ, что въ Германіи деньги шли, главнымъ образомъ, на сухопутныя силы, а въ Англіи—на силы морскія. Конечно, можно возразить, что за минувшее 45-лѣтіе у власти стояли не одни лишь либералы, но и консерваторы (дѣйствительно, изъ этихъ 45 лѣтъ, 23 года падаетъ на долю консервативныхъ и 22 года на долю либеральныхъ министерствъ), однако, справедливость требуетъ сказать, что, какъ въ области внѣшней политики, такъ и въ сферѣ маринизма, между обѣими большими политическими партіями Англіи не существуетъ сколько-нибудь серьезной разницы,—поэтому и колоніальныя «пріобрѣтенія» и усиленіе флота за указанный періодъ приходится ставить на счетъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ либерализму, такъ и консерватизму. Не даромъ же какъ разъ въ правленіе Гладстона были «заняты» такія важныя области, какъ Египетъ и Сомали, не даромъ также во время бурской войны имперіалистское крыло либераловъ съ Асквитомъ, Э. Греемъ, лордомъ Холдэномъ и др. во главѣ, поддерживало стоявшее тогда у власти торійское правительство.

Какъ бы то ни было, но въ Европѣ Англія войнъ почти не вела (послѣ Наполеоновской эпохи единственное исключеніе—участіе въ Крымской кампаніи) и, такъ какъ коло-

ніальныя экспедиціи происходили обыкновенно гдѣ-то тамъ, далеко за морями, да и не отличались по правилу особенно крупными размѣрами, то народы континента привыкали разсматривать Англію, какъ державу исключительно миролюбивую, а англійскій либерализмъ, какъ живое воплощеніе идей пацифизма. Причемъ въ качествѣ наиболѣе неоспоримаго доказательства послѣдняго приводилось обыкновенно отсутствіе въ Соединенномъ Королевствѣ всеобщей воинской повинности и большой постоянной арміи.

Такъ слагалось цѣльное и нѣсколько подрумяненное представленіе объ англійскомъ буржуазномъ либерализмѣ. Свобода торговли, политическая демократія, тѣсно связанная съ отсутствіемъ милитаризма, наконецъ, пацифизмъ, — какъ мы видѣли, въ значительной мѣрѣ кажущійся, — таковы были краеугольные камни, на которыхъ покоилось все его величественное идейно-политическое зданіе. Каково же было дѣйствіе войны на эти основные либеральные устои?

II.

Въ теченіе первыхъ 10 мѣсяцевъ великой борьбы Англія находилась подъ управленіемъ либеральнаго кабинета Асквита; съ іюня 1915 года у власти сталъ коалиціонный кабинетъ Асквитъ-Бонаръ-Лоу, состоящій изъ либераловъ, консерваторовъ и рабочихъ. Однако, и въ коалиціонномъ кабинетѣ большинство имѣютъ все-таки либералы (12 изъ 22) и, что особенно важно, они занимаютъ тамъ столь отвѣтственные посты, какъ премьеръ-министровъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, аммуниціи и торговли. Такимъ образомъ, все, что дѣлалось и дѣлается государственной властью Великобританіи на протяженіи нынѣшней войны, лежитъ, главнымъ образомъ, на отвѣтственности либераловъ и уже лишь во второй линіи—на отвѣтственности тори. Только сдѣлавъ это необходимое предварительное замѣчаніе, мы можемъ перейти къ дальнѣйшему изложенію.

Хронологически первымъ изъ краеугольныхъ камней либерализма, на который посыпались удары войны, была политическая демократія. Съ августа 1914 г. Англія находится подъ дѣйствіемъ «Defence of the Realm Act» («Законъ о защитѣ королевства»), и это означаетъ, что всѣ конституціонныя вольности британскаго народа юридически уничтожены, а фактически сильно ограничены. «Defence of the Realm Act» отмѣнилъ знаменитый Habeas Corpus, и теперь въ Соединенномъ Королевствѣ съ каждымъ днемъ увеличивается число гражданъ (пока оно, къ счастью, еще не очень значительно), арестуемыхъ и содержимыхъ въ тюрьмѣ безъ суда и слѣдствія. Достойно замѣчанія, что въ категорію этихъ административно-интернированныхъ попадаютъ не только люди, прикосновенные къ шпіонству и т. п. «военнымъ» преступленіямъ, но также и лица, выдѣляющіяся крайностью своихъ политическихъ воззрѣній. «Законъ о защитѣ Королевства» тяжело ударилъ по традиціонной въ Англіи свободѣ слова и печати. Запрещеніе манифестацій, закрытіе собраній, преслѣдованіе ораторовъ за то или иное сказанное ими слово стали постепенно «бытовымъ явленіемъ» британской жизни. И подчасъ эти преслѣдованія кончаются весьма серьезно. Такъ, напр., въ апрѣлѣ 1916 г. шотландскій соціалистъ Маклинъ былъ приговоренъ къ 3 годамъ каторжныхъ работъ только за то, что обращался съ анти-конскрипціонистскими рѣчами къ рабочимъ на Кляйдѣ. Печать находится подъ игомъ цензуры и, хотя въ Англіи она, быть можетъ, и легче, чѣмъ въ другихъ воюющихъ странахъ, но все-таки и здѣсь цензура достаточно чувствительна. Главное же, она далеко не всегда носитъ чисто «военный» характеръ, въ ея дѣйствіяхъ нерѣдко вполнѣ опредѣленно проглядываетъ и «политическій» моментъ. Дѣло не ограничивается одной цензурой. Въ редакціи «Labour Leader» (органъ «Независимой Рабочей Партіи») уже дважды производился обыскъ, а самый этотъ органъ не выпускается изъ предѣловъ Англіи для отправки въ нейтральныя страны, напр., Швейцарію. Въ

Центральномъ бюро «Независимой Рабочей Партіи» въ Лондонѣ была произведена «выемка» различныхъ книгъ и брошюръ, предназначенныхъ для продажи, и 23 названія изъ нихъ въ дальнѣйшемъ, по приговору суда, уничтожены. Газета «Globe» (консервативная) была пріостановлена распоряженіемъ военныхъ властей, но потомъ опять разрѣшена къ изданію. Соціалистическій «Vanguard» (въ Шотландіи) закрытъ; соціалистическій «Forward» (въ Глазго) за напечатаніе полнаго отчета о собраніи рабочихъ на Кляйдѣ, гдѣ выступавшій Ллойдъ-Джорджъ встрѣтился съ рѣзкой оппозиціей, также былъ закрытъ, причемъ изъ типографіи для вѣрности были унесены нѣкоторыя части машинъ. «Forward» былъ открытъ только послѣ того, какъ редакція подписала обязательство не касаться опредѣленныхъ вопросовъ. Глазговскій еженедѣльникъ «Worker» («Рабочій») явился еще одной жертвой правительственныхъ репрессій — онъ былъ закрытъ, причемъ двое его редакторовъ получили по году тюремнаго заключенія каждый. Изданный въ іюлѣ 1915 г. «Munitions Act» («Законъ объ аммуниціи») сильно ограничилъ свободу рабочихъ, занятыхъ въ производствѣ военныхъ припасовъ: онъ лишилъ ихъ права самостоятельнаго ухода съ работы и права стачекъ; отнынѣ всѣ экономическія столкновенія въ названныхъ предпріятіяхъ должны рѣшаться путемъ принудительнаго арбитража. Правда, «Munitions Act» одновременно ограничилъ прибыли «капитановъ» соотвѣтственныхъ отраслей промышленности, но для рабочихъ это едва-ли могло компенсировать отказъ отъ своего наиболѣе остраго оружія борьбы. Я могъ бы еще очень долго продолжать мое перечисленіе, но думаю, что для иллюстраціи и приведеннаго достаточно.

Всѣ вышеперечисленные и многіе иные факты аналогичнаго порядка представляютъ собой несомнѣнно очень большой шагъ назадъ по сравненію съ «старой свободной Англіей»; они отбрасываютъ ее, по крайней мѣрѣ, къ серединѣ XVIII в., если не дальше. Но, констатируя эти печальные

факты, я отнюдь не думаю обвинять англійское правительство въ какой-либо сугубой злонамѣренности, въ какомъ-либо тайномъ заговорѣ противъ народа. Нѣтъ, я ни минуты не сомнѣваюсь въ истинно-либеральныхъ чувствахъ Асквита или Макъ-Кенна; я глубоко убѣжденъ, что и Бальфуръ и Бонаръ-Лоу—добрые конституціоналисты, которые совсѣмъ не хотѣли бы промѣнять британскій парламентаризмъ на прусскую редакцію. О, конечно, нѣтъ! Есть опредѣленная логика положенія, которая гнетъ и ломаетъ субъективныя стремленія государственныхъ людей. И эта логика положенія властно толкаетъ сейчасъ Великую Британію въ сторону подавленія политической и индивидуальной свободы. Нѣтъ болѣе противоположныхъ и даже взаимно другъ друга исключающихъ понятій, чѣмъ демократія и военный лагерь. И чѣмъ больше Англія превращается въ военный лагерь, тѣмъ, естественно, хуже приходится демократіи.

Впрочемъ, всѣ репрессіи и ограниченія, о которыхъ шла рѣчь, еще не самая горшая бѣда, которая выпала на долю британской демократіи. Репрессіи и ограниченія, конечно, непріятны въ настоящемъ, они представляютъ извѣстную опасность для будущаго, ибо могутъ оставить нѣкоторый перманентный слѣдъ въ дальнѣйшей административно-политической практикѣ государственной машины (не даромъ же Англія—классическая страна «процедента»), но все-таки, по самому существу своему, они носятъ временный характеръ. Кончится война, и подавляющее большинство ихъ будетъ отмѣнено, и все снова войдетъ болѣе или менѣе въ старую привычную колею. Къ сожалѣнію, однако, кромѣ этихъ скоропреходящихъ болѣзненныхъ явленій, та же война породила одинъ новый и чрезвычайно серьезный факторъ постояннаго значенія, который обѣщаетъ сыграть очень крупную и притомъ реакціонную роль въ политическомъ развитіи Великобританіи,—она создала англійскій сухопутный милитаризмъ.

Опять-таки и милитаризмъ пришелъ отнюдь не потому,

что вожди англійскаго либерализма, воспользовавшись великой международной бурей, коварно задумали покончить съ демократіей. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе подобнаго предположенія. Если исключить небольшую кучку крайнихъ реакціонеровъ, группировавшихся около основанной лѣтъ 12 назадъ покойнымъ лордомъ Робертсомъ «National Service League» и имѣвшихъ своимъ рупоромъ лондонскую «Morning Post», — не только либералы, но и большинство консерваторовъ вступили въ войну съ развернутыми знаменами «антимилитаризма». И, какъ мы сейчасъ увидимъ, либералы—это нужно откровенно признать—храбро боролись за свои убѣжденія. Но желѣзная логика положенія, но суровая военная необходимость сдѣлали и тутъ свое дѣло: однихъ онѣ превратили изъ Савловъ въ Павлы, другихъ—внутренно не обращенныхъ — принудили, скрѣпя сердце, идти противъ самихъ себя. Вотъ важнѣйшіе этапы этого замѣчательнаго развитія.

Великая битва народовъ, свидѣтелями которой мы являемся, предъявила къ Соед. Королевству столь громадныя требованія, о какихъ оно раньше не имѣло представленія. Коренное отличіе для Англіи нынѣшней войны отъ всѣхъ предыдущихъ состоитъ въ томъ, что въ этотъ разъ ей оказалось невозможнымъ ограничиться лишь морской и финансовой помощью своимъ союзникамъ, какъ это обычно ею раньше практиковалось, а пришлось самой въ полной мѣрѣ заплатить дань крови и на поляхъ сухопутныхъ битвъ. Это означаетъ на практикѣ, что Великобританія, разсчитывавшая прежде, въ случаѣ особой крайности, послать на подмогу французамъ 150 тыс. человѣкъ, вынуждена была внезапно импровизировать армію, исчисляющуюся милліонами. Задача была исполинская, способная привести въ смущеніе даже самое смѣлое правительство, но, надо отдать справедливость англійскому либерализму, онъ не растерялся и долгое время упорно пытался разрѣшить сложную проблему, не бросая въ огонь своихъ исторически сложившихся традицій. Чтобы избѣжать

опаснаго приближенія къ континентальнымъ образцамъ, кабинетъ Асквита положилъ въ основу формируемыхъ имъ легіоновъ два краеугольныхъ принципа: 1) волонтерскую систему набора, 2) ограниченіе срока службы продолжительностью войны.

До конца 1914 г. дѣло шло сравнительно гладко. Патріотическій энтузіазмъ былъ силенъ, увѣренность въ кратковременность войны широко распространена, добровольцы массами валили въ рекрутскіе бюро, ставя нерѣдко въ очень затруднительное положеніе не ожидавшихъ такого наплыва служащихъ послѣднихъ. Первый милліонъ былъ набранъ почти шутя, и никто въ тотъ періодъ не рѣшался открыто выступать съ серьезной критикой волонтерской системы. Со второго милліона, однако, начались уже нѣкоторыя затрудненія. Запасъ болѣе идеалистически-настроенной, склонной къ исканію новыхъ впечатлѣній и необычныхъ переживаній молодежи былъ исчерпанъ, волна патріотическаго подъема начала понемногу спадать, число охотниковъ брать въ руки ружье—сокращаться. А между тѣмъ, люди были нужны, очень нужны, ибо война явно затягивалась и принимала все болѣе обширные размѣры. Были пущены въ ходъ дополнительныя мѣры экономическаго воздѣйствія на массы: на фабрикахъ и заводахъ увольнялись болѣе молодые рабочіе, въ банкахъ и конторахъ—клерки, въ магазинахъ—приказчики и т. д., и всѣмъ имъ настойчиво рекомендовалось записываться въ армію, что они, въ большинствѣ случаевъ, и вынуждены были дѣлать. Одновременно было улучшено матеріальное положеніе солдатъ и ихъ остающихся дома семей, что, какъ разсчитывали, должно было также нѣсколько стимулировать рекрутскій наборъ. Всѣ только что указанные способы, конечно, не отличались особымъ благородствомъ, и либералы не могли этого не видѣть, но они утѣшали себя, однако, соображеніемъ, что такимъ, не совсѣмъ красивымъ путемъ, Англія, по крайней мѣрѣ, избѣгаетъ горшаго зла—конскрип-

ціи, являющейся становымъ хребтомъ континентальнаго милитаризма.

Одновременно тѣ же затрудненія, встрѣченныя при укомплектованіи второго милліона, чрезвычайно оживили надежды конскрипціонистовъ. Это была, несомнѣнно, вода на ихъ мельницу. Они подняли большой шумъ, утверждая, что волонтерская система исчерпала себя, что мѣры экономическаго давленія крайне несправедливы, ибо обрушиваются на бѣдныхъ, но не касаются богатыхъ, и что въ интересахъ установленія «равенства жертвъ» государство должно прибѣгнуть къ мѣрамъ принужденія, т. е. ввести всеобщую воинскую повинность. На этотъ разъ агитація «Morning Post», «Times», «Daily Mail» и др. аналогичныхъ органовъ находила извѣстную объективную почву въ окружающей обстановкѣ и потому приносила замѣтные плоды. Настроеніе въ пользу конскрипціи явно наростало.

Поворотнымъ пунктомъ въ намѣчавшейся линіи развитія оказались весна и лѣто 1915 г. Неудача Дарданелльской кампаніи, русское отступленіе и неспособность союзниковъ пробить во время этого отступленія франко-бельгійскій фронтъ германцевъ не могли не произвести огромнаго впечатлѣнія на психологію націи. Для всякаго стало ясно, что война гораздо болѣе серьезна и опасна, чѣмъ это раньше предполагалось. Стало ясно, что отъ Англіи потребуются въ ходѣ ея гораздо большія усилія, чѣмъ разсчитывали. Стало ясно, что для благополучнаго завершенія исполинской борьбы нужны люди, люди и еще разъ люди, неизмѣримо больше людей, чѣмъ имѣлось въ наличности. Ставки великой исторической игры быстро понеслись вверхъ, но отступать теперь ужъ было поздно. Рекрутскій наборъ между тѣмъ шелъ очень неровно, то подымаясь, то опускаясь, въ среднемъ, однако, оставаясь неизмѣнно на уровнѣ «удовлетворительнаго». Этого было, повидимому, недостаточно, — и конскрипціонисты не замедлили использовать благопріятную ситуацію.

Ихъ атака на принципъ волонтерства стала принимать все болѣе рѣшительныя и ожесточенныя формы. Въ прессѣ, на собраніяхъ, въ парламентѣ, за кулисами партійнаго механизма, въ министерскихъ канцеляріяхъ они съ по-истинѣ неизсякаемой энергіей вели страстную кампанію въ пользу всеобщей воинской повинности. Каждая новая неудача на фронтѣ — очищеніе позиціи союзниками, паденіе крѣпости, потеря территоріи, — каждое новое свидѣтельство еще не сломленнаго военнаго и экономическаго могущества Германіи давали имъ благодарный поводъ для усиленія своей агитаціи, для сообщенія большей убѣдительности своимъ аргументамъ, для вербовки все болѣе широкихъ круговъ прозелитовъ. Положеніе либерализма становилось съ каждымъ днемъ затруднительнѣе. Онъ былъ атакованъ со всѣхъ сторонъ. Противъ него была военная ситуація. Противъ него былъ «Наполеонъ англійской печати» лордъ Нортклифъ съ своей безчисленной фалангой газетныхъ орудій. Противъ него было настроеніе толпы, раздраженной и обезкураженной неудачами на фронтѣ. Противъ него была не только консервативная партія, но, что гораздо важнѣе,—быстро растущее количество собственныхъ сторонниковъ, подъ вліяніемъ событій, мѣнявшихъ свои привычные взгляды и превращавшихся въ адептовъ обязательной военной службы. Чтобы ярче иллюстрировать эту духовную эволюцію, достаточно сказать, что къ лѣту 1915 г. подъ знамя конскрипціонистовъ перешелъ Ллойдъ-Джорджъ—гордость и краса англійскаго радикализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно стала ослабѣвать, въ началѣ очень рѣзкая, оппозиція пролетаріата противъ всеобщей воинской повинности, что наглядно обнаружилось на сентябрьскомъ конгрессѣ трэдъ-юніоновъ въ Бристолѣ. При наличности всѣхъ этихъ обстоятельствъ ортодоксальному либерализму не оставалось ничего больше, какъ только склониться предъ неизбѣжнымъ. Въ маѣ кабинетъ Асквита уступилъ мѣсто кабинету Асквита-Бонаръ-Лоу, а съ осени уже не подлежало больше сомнѣнію, что конскрипція находится

на пути къ своему осуществленію. И весь вопросъ сводился лишь къ тому, когда она придетъ.

Однако, даже и теперь либерализмъ еще не сложилъ окончательно оружія. Онъ продолжалъ сопротивляться и отвоевалъ у судьбы еще одну, послѣднюю отсрочку. Въ октябрѣ, одновременно съ началомъ вражескаго наступленія на Балканахъ, была организована, такъ называемая «кампанія лорда Дерби». Я не стану подробно останавливаться на ея деталяхъ, достаточно сказать, что многочисленные агенты «генералъ-директора рекрутскаго набора» во всѣхъ концахъ страны обходили дома гражданъ и неизмѣнно ставили въ упоръ мужчинамъ призывного возраста (19—41 г.) дилемму: «Или запишитесь немедленно въ армію, или черезъ два мѣсяца будетъ введена конскрипція». И многіе, дѣйствительно, записывались. Это было, конечно, еще меньше похоже на дѣйствительно волонтерскій наборъ, чѣмъ вышеупоминавшіяся мѣры экономическаго давленія, но это было все-таки не формальное государственное принужденіе, и либералы поддерживали лорда Дерби.

Къ началу января 1916 г. описаннымъ путемъ было набрано около 3 милл. новыхъ рекрутовъ, изъ которыхъ, за вычетомъ негодныхъ къ военной службѣ по состоянію здоровья и занятыхъ въ общественно-необходимыхъ производствахъ, должно было очиститься около 1½ милл. солдатъ. Вмѣстѣ съ записавшимися уже раньше это должно было доводить общую численность британской арміи до 3½—4 милліоновъ человѣкъ. Результатъ былъ, казалось, самый обнадеживающій для либераловъ, ихъ позиція, казалось, становилась совершенно неуязвимой, «волонтерская система» (хотя бы и съ весьма существенными изъянами), казалось, должна была остаться непоколебимой... Увы,—конскрипціонисты какъ разъ въ этотъ моментъ предательски нанесли послѣдній роковой ударъ своимъ противникамъ.

Еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ, желая обезпечить успѣхъ лорда Дерби, премьеръ-министръ обѣщалъ, что записавшіеся въ

армію «женатые» не будутъ взяты на службу до тѣхъ поръ, пока останется «хоть сколько-нибудь значительное число годныхъ къ ношенію оружія холостыхъ». Конскрипціонисты и воспользовались этимъ обѣщаніемъ. Не выждавъ окончательныхъ результатовъ подсчета новыхъ волонтеровъ, не давши ни парламенту, ни населенію возможности разобраться, какъ слѣдуетъ, въ итогахъ рекрутской кампаніи, они подняли невѣроятный шумъ по поводу будто бы огромнаго количества уклонившихся отъ записи «холостыхъ» (фигурировала совершенно фантастическая цифра—650 тыс. человѣкъ), доказывали, что женатыхъ нельзя трогать, пока эти «бездѣльники» не будутъ одѣты въ хаки, и во имя исполненія даннаго однажды Асквитомъ слова, требовали немедленнаго введенія принудительной службы для холостыхъ.

Натискъ былъ необыкновенно силенъ и энергиченъ и, такъ какъ дѣло происходило подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ разгрома Сербіи, то либеральные ряды дрогнули. И, такъ какъ, съ другой стороны, засѣдавшій въ концѣ января съѣздъ Рабочей Партіи не обнаружилъ сколько-нибудь серьезной готовности къ активной защитѣ волонтерскаго принципа, то, въ концѣ концовъ, совершилось то, что должно было совершиться: конскрипція для «холостыхъ бездѣльниковъ» была внесена правительствомъ и единодушно вотирована парламентомъ (противъ голосовало лишь около трехъ десятковъ лѣвыхъ либераловъ, да нѣсколько соціалистовъ), и Англія, такимъ образомъ, сдѣлавши крутой поворотъ, порвала съ вѣковыми традиціями своего государственнаго развитія.

Аппетитъ приходитъ во время ѣды, и конскрипціонисты не удовлетворились, конечно, только «холостыми бездѣльниками». Одержавъ первую крупную побѣду, они почти безъ перерыва продолжали свое наступленіе и, — надо откровенно признать, — чрезвычайно успѣшное наступленіе. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ они добились согласія правительства на установленіе обязательной военной службы для всякаго юноши, достигающаго 18 лѣтъ (вплоть до 19 лѣтъ онъ, однако, не

можетъ посылаться за границу), и этимъ уже сдѣлали крупный шагъ впередъ по пути превращенія конскрипціи изъ института временнаго («до конца войны») въ институтъ постоянный. Сейчасъ они ведутъ усиленную агитацію за распространеніе воинской повинности на всѣхъ вообще женатыхъ мужчинъ, и, послѣ опыта минувшихъ 20 мѣсяцевъ, едва ли можно сомнѣваться, что крылатая фея успѣха и на этотъ разъ не оставитъ ихъ своими милостями. Если не обманываютъ многочисленные признаки, къ концу 1916 г. конскрипція будетъ введена въ Англіи въ полномъ объемѣ, и это будетъ означать собой окончательное банкротство перваго краеугольнаго принципа, положеннаго либерализмомъ въ основу формируемыхъ имъ армій, — волонтерскаго набора *).

Но не меньшая опасность грозила и второму краеугольному принципу ограниченія срока службы и вообще срока существованія большой сухопутной арміи, только продолжительностью нынѣшней войны. И это понятно. Если большая сухопутная армія понадобилась Англіи для охраны своей имперіи въ 1914 году,—гдѣ гарантіи, что она не понадобится ей позже, черезъ 10, 20, 30, 50 лѣтъ, ибо великій лозунгъ «миръ на земли, въ человѣцѣхъ благоволеніе», очевидно, еще не слишкомъ-то близокъ отъ своей реализаціи. А если большая сухопутная армія можетъ еще понадобиться,—то не лучше ли, не раціональнѣе ли, не дальновиднѣе ли имѣть ее готовой всегда въ любой моментъ, вмѣсто того, чтобы быть когда-нибудь еще разъ въ необходимости импровизировать легіоны подъ огнемъ непріятеля, повторяя печальную эпопею минувшихъ 20 мѣсяцевъ?

Неоспоримая жизненная сила этого силлогизма, поскольку вы становитесь на почву буржуазно - политическихъ отношеній, такъ велика, что сейчасъ уже почти никто изъ

---

*) Уже послѣ того, какъ строки эти были написаны, предсказаніе автора осуществилось.

либераловъ не рѣшается открыто выступать противъ самой идеи большой сухопутной арміи, какъ постояннаго института британской государственности въ наступающемъ періодѣ, и весь вопросъ для нихъ сводится лишь къ тому, какъ, на какихъ основаніяхъ будетъ построена эта армія. Либералы, особенно ихъ лѣвое крыло, надѣются, что грядущая англійская армія будетъ организована, примѣрно, по образцу швейцарской милиціи и, пожалуй, нельзя не признать, что съ точки зрѣнія интересовъ демократіи при данномъ положеніи вещей это былъ бы наилучшій выходъ. Однако, сейчасъ судьбы страны находятся—увы,—не въ рукахъ лѣвыхъ либераловъ типа «Manchester Guardian» или «Nation», а въ рукахъ имперіалистовъ консервативныхъ и умѣренно-либеральныхъ оттѣнковъ, а эти элементы, какъ разъ меньше всего мечтаютъ о «народной милиціи». Милиція хороша для цѣлей обороны въ наиболѣе прямомъ и непосредственномъ значеніи этого слова, милиція—удобна для маленькихъ государствъ, не имѣющихъ обширныхъ колоніальныхъ владѣній и не ведущихъ «міровой политики», но она едва ли можетъ удовлетворить потребностямъ исполинской державы, стоящей фундаментомъ на пяти континентахъ и постоянно вовлекающейся въ сложные международные конфликты, гдѣ роль ея далеко не всегда бываетъ чисто оборонительной ролью. Это прекрасно понимаютъ нынѣшніе кормчіе британской политики, и потому-то та будущая сухопутная армія, о которой сейчасъ они думаютъ и которую они подготовляютъ, рисуется имъ не столько въ видѣ швейцарской милиціи, сколько въ формѣ желѣзныхъ легіоновъ германскаго кайзера. Возможно, конечно, что полная пересадка «прусскаго милитаризма» на англійскую почву не удастся—слишкомъ все-таки велико своеобразіе мѣстныхъ условій—однако, въ интересахъ справедливости слѣдуетъ замѣтить, что, судя по многимъ признакамъ, чаша историческихъ вѣсовъ въ Соед. Королевствѣ нынѣ гораздо больше склоняется въ сторону конскрипціи обычнаго континентальнаго типа,

чѣмъ въ сторону всеобщаго вооруженія швейцарскаго образца. Таково, повидимому, будетъ то тяжелое наслѣдіе, которое оставитъ на память націи великая европейская война.

Да и надо ли удивляться подобному ходу событій? Нельзя закрывать глаза на то, что общая эволюція международнаго развитія уже давно властно толкаетъ Великобританію въ сторону милитаризма. Въ вѣкъ напряженной борьбы между гигантами капиталистическаго имперіализма за «мѣстечко на солнцѣ» нельзя обладать міровой имперіей, не располагая въ то же время милліонами штыковъ для ея защиты. Имперія и милитаризмъ—это два родныхъ брата, это двѣ стороны одного и того же явленія, и кто принимаетъ одну сторону, неизбѣжно долженъ принять и другую. Англійскій либерализмъ въ теченіе ряда десятилѣтій пытался уклониться отъ этой непріятности (консерваторы были въ данномъ отношеніи гораздо реалистичнѣе и дальновиднѣе либераловъ), онъ долго и искусно старался плыть противъ теченія, мечталъ, опираясь на нѣкоторыя специфическія особенности британской географіи и экономики, перехитрить исторію и найти для своей страны какой-то исключительный, отличный отъ другихъ, путь развитія. Его усилія заранѣе были обречены на неудачу. Время привилегированныхъ народовъ прошло, желѣзная рука исторіи все больше нивеллируетъ судьбы отдѣльныхъ націй и государствъ, все явственнѣе начинаетъ стричь ихъ подъ одну гребенку. Не могла избѣжать этой общей участи и Англія. Великая война лишь ускорила созрѣваніе внутреннихъ молекулярныхъ процессовъ, протекавшихъ въ толщѣ ея политическаго организма, лишь способствовала яркому выведенію ихъ наружу. И, вглядываясь въ ближайшее будущее своей родины, болѣе трезвые и дальновидные англійскіе политики нынѣ уже не сомнѣваются въ томъ, что грядущіе пути ея эволюціи, очевидно, сильно приблизятся къ континентальнымъ путямъ, и что отнынѣ въ теченіе долгихъ лѣтъ и десятилѣтій ей придется

влачить за собой по восходящимъ ступенямъ прогресса тяжелый мечъ сухопутнаго милитаризма.

Но, если это такъ, если всеобщая воинская повинность и большая постоянная армія останутся въ Англіи послѣ войны, если милитаризмъ войдетъ въ качествѣ неотъемлемой составной части въ ея государственное бытіе, — что тогда? Какъ отразится подобная эволюція на судьбахъ британской демократіи?

Мнѣ едва ли нужно долго останавливаться на этомъ пунктѣ, ибо отвѣтъ на поставленный выше вопросъ, думается, ясенъ самъ особой. Отсутствіе милитаризма въ странѣ являлось однимъ изъ важнѣйшихъ условій могущественнаго расцвѣта домократіи. Введеніе милитаризма естественно должно будетъ имѣть какъ разъ обратныя послѣдствія. Это не значитъ, конечно, что Англія отнынѣ превратится въ какую-то деспотію, управляемую автократической волей военной олигархіи, — о, нѣтъ! Есть же государства, умѣющія сочетать сильно развитой милитаризмъ съ относительно широкимъ размахомъ народовластія, — примѣръ Франція и Италія. Но это значитъ, во всякомъ случаѣ, что «старая свободная Англія», какою мы ее знали передъ войной, ушла невозвратно въ прошлое. Ея всемогущему парламенту будутъ нѣсколько подрѣзаны крылья, ея неограниченной политической свободѣ будутъ поставлены извѣстные предѣлы; изъ-за штатскаго цилиндра ея премьеръ-министра теперь станетъ выглядывать военная фуражка шефа генеральнаго штаба. Два съ половиной года тому назадъ маленькая кучка высшихъ офицеровъ маленькой британской арміи минувшаго періода своимъ отказомъ выступить на защиту ирландскаго гомруля противъ открытаго возстанія Ольстера съ сэромъ Э. Карсономъ во главѣ оказалась въ состояніи привести на край гибели либеральное правительство. Во сколько же разъ сильнѣе и могущественнѣе будетъ вліяніе «военной касты» на ходъ государственныхъ дѣлъ, если малень-

кая армія наемниковъ-добровольцевъ превратится въ большую армію военно-обязанныхъ?

Ясно такимъ образомъ: война не убьетъ, конечно, не сможетъ убить совсѣмъ англійскую демократію, но она обѣщаетъ серьезно сузить ея размахъ, она готовитъ ей въ близкомъ будущемъ тяжелые дни.

III.

Война обрушилась, однако, не только на основы политическаго міросозерцанія англійскаго либерализма, она дерзко посягнула и на другіе его краеугольные принципы. Мы видѣли, что въ либеральномъ символѣ вѣры наряду съ политической демократіей стояла свобода торговли. Въ области экономической она была для каждаго добраго либерала столь же священна и столь же обязательна, какъ въ области государственнаго управленія — гражданская свобода и парламентаризмъ. Со временъ Кобдена и Брайта фритрэдерство являлось боевымъ знаменемъ либерализма, и древко этого знамени было прочно утверждено въ Манчестерѣ,—въ самомъ сердцѣ текстильнаго капитализма, проложившаго дорогу къ индустріальной гегемоніи Великобританіи на міровомъ рынкѣ. И хотя къ началу нынѣшняго столѣтія объективныя условія, породившія англійское фритрэдерство, если и не совсѣмъ исчезли, то, во всякомъ случаѣ, находились въ процессѣ явнаго отмиранія — (главной причиной тому было нарожденіе иностранной, особенно Германской и сѣверо-американской конкуренціи), — тѣмъ не менѣе, подавляющее большинство британскаго населенія, какъ либеральнаго, такъ и консервативнаго, продолжало еще цѣпко держаться за прежнюю экономическую доктрину. Что это такъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ судьба упоминавшейся выше «тарифной реформы» Джозефа Чемберлэна. Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣлъ Чемберлэнъ? Въ извѣст-

ной статьѣ «The Economics of Empire», напечатанной въ сентябрьской книжкѣ «The National Review» за 1909 г., credo великаго имперіалиста, основанное на тщательномъ анализѣ экономической эволюціи Англіи, Германіи и Соед. Штатовъ за періодъ 1872—1902 гг., формулировалось слѣдующимъ образомъ:

«Интересы метрополіи требуютъ дальнѣйшаго расширенія обмѣна производимыхъ ею индустріальныхъ продуктовъ на сырье и пищевые припасы.

«Интересы колоній требуютъ отданія предпочтенія британскимъ фабрикатамъ, дабы метрополія, являющаяся величайшимъ въ мірѣ импортеромъ с.-х. продуктовъ, могла, въ свою очередь, способствовать развитію колоніальнаго производства.

«Цѣлость и неприкосновенность имперіи требуютъ, чтобы она удовлетворяла свои потребности по возможности собственными силами.

«Проблема имперскаго могущества есть проблема имперскаго хозяйства, и единственнымъ путемъ, ведущимъ къ цѣлостности линіи нашей политической защиты, при гарантіи полной свободы управленія и экономическаго развитія для всѣхъ частей имперіи, является система взаимнаго торговаго благопріятствованія.

«Коротко говоря, все наше будущее, какъ народа, если мы желаемъ удержать занимаемыя нами сейчасъ позиціи, зависитъ отъ того, сумѣемъ-ли мы создать большой внутренній рынокъ, являющійся центромъ независимой самодовлѣющей имперіи» (стр. 80-81).

Какъ извѣстно, кампанія Чемберлэна окончилась неудачей. Боязнь англійскихъ экспортеровъ потерять, благодаря введенію тарифовъ, внѣшніе рынки; опасенія рабочихъ, что пошлины поведутъ къ вздорожанію жизни; нежеланіе колоній выдать свою молодую индустрію убійственной конкуренціи метрополіи; трудность удовлетворительнаго разрѣшенія цѣлаго ряда политическихъ и финансовыхъ проблемъ,

возникавшихъ въ связи съ осуществленіемъ «Imperial Federation» — все соединилось вмѣстѣ противъ смѣлаго реформатора, и на выборахъ 1906 г. онъ потерпѣлъ жестокое пораженіе. Затѣмъ вниманіе націи было отвлечено въ другую сторону — въ сторону соціальныхъ реформъ и внутренно-политическихъ преобразованій, проблемы консолидаціи имперіи отступили на заднiй планъ, самъ Дж. Чемберлэнъ, подъ вліяніемъ возраста и болѣзней сошелъ со сцены, кадры его сторонниковъ стали быстро таять, и къ 1912—13 гг. «тарифная реформа», казалось, была мертва. Отъ нея открещивались даже очень многіе изъ ея былыхъ партизановъ...

И вотъ теперь, въ разгаръ міровой войны, духъ и идеи великаго имперіалиста празднуютъ небывалое, поистинѣ ошеломляющее воскресеніе. Протекціонистская волна заливаетъ сейчасъ Англію. Консервативная пресса бьетъ въ тимпаны и кимвалы и возвѣщаетъ близкое наступленіе таможеннаго царства. «Morning Post»—главная цитадель сторонниковъ «тарифной реформы», — изо дня въ день обдаетъ своихъ противниковъ градомъ убійственной канонады. Въ какомъ тонѣ она пишетъ, можно судить хотя бы по слѣдующему весьма типичному отрывку:

«Теперь или никогда! Если этотъ случай будетъ упущенъ, онъ больше не вернется... Наши колоніи хотятъ, чтобы за тѣ торговыя преимущества, которыя онѣ оказываютъ матери-метрополіи, послѣдняя платила имъ равной монетой; онѣ хотятъ, чтобы Британская имперія стала единымъ экономическимъ цѣлымъ и сдѣлалась, насколько возможно, независимой отъ остального міра. Для того, чтобы достигнуть этой цѣли, необходимо обвести Соединенное Королевство таможенной чертой съ соотвѣтственнымъ пониженіемъ ставокъ для колоній. Съ стѣной тарифа вокругъ Британской Имперіи мы будемъ въ безопасности и сможемъ придти къ соглашенію съ нашими друзьями, сможемъ защищаться также отъ нашихъ враговъ. Эти проблемы жгучи и неотложны,

онѣ выдвинуты на авансцену логикой войны. У насъ нѣтъ иного выхода, какъ только разрѣшить ихъ или погибнуть» *).

Но не только консервативные круги полны протекціонистскаго воодушевленія. Самое любопытное и замѣчательное въ нынѣшнемъ положеніи это то, что и въ противоположномъ политическомъ лагерѣ число сторонниковъ тарифовъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Вчерашніе фритрэдеры превращаются въ сегодняшнихъ протекціонистовъ. Органы печати и политическія группы, муниципалитеты и торговыя палаты, ученыя общества и виднѣйшіе писатели-экономисты, въ теченіе лѣтъ и десятковъ лѣтъ отстаивавшіе принципы свободной торговли, теперь поспѣшно сжигаютъ своихъ прежнихъ боговъ и съ развернутыми знаменами переходятъ въ станъ своихъ бывшихъ противниковъ. Было бы слишкомъ долго останавливаться на перечисленіи всѣхъ наиболѣе яркихъ случаевъ «обращеній», — поэтому я ограничусь здѣсь лишь нѣсколькими наиболѣе характерными образчиками.

Вотъ, напр., Чіоза-Монэ. До войны это былъ научно-публицистическій глава фритрэдерства, ковавшій либеральной партіи оружіе для ея парламентскихъ и избирательныхъ боевъ, — теперь онъ сталъ однимъ изъ наиболѣе ярыхъ протекціонистовъ. Вотъ вечерній офиціозъ бывшаго либеральнаго министерства «Westminster Gazette». До войны это былъ скучный, но солидный органъ либерально-партійной ортодоксіи; — теперь онъ сдѣлался столь страстнымъ чэмпіономъ протекціонизма, что даже «Morning Post» приходится то и дѣло унимать не въ мѣру рьянаго прозелита. Вотъ манчестерская торговая палата. Съ незапамятныхъ временъ Манчестеръ былъ твердыней свободной торговли, оттуда она пошла и тутъ глубже всего пустила корни. Манчестеръ являлся своего рода символомъ и олицетвореніемъ

---

*) «Morning Post» отъ 20 марта 1916 года.

фритрэдерства, какъ Берлинъ является символомъ и олицетвореніемъ германскаго милитаризма. И однако, манчестерская торговая палата въ февралѣ текущаго года къ вящшему торжеству протекціонистовъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ высказалась противъ свободы торговли. Вотъ, наконецъ, съѣздъ всѣхъ торговыхъ палатъ Соединеннаго Королевства, состоявшійся 29 февраля — 2 марта въ Лондонѣ. На немъ огромнымъ большинствомъ голосовъ была принята слѣдующая резолюція:

«Мы полагаемъ, что въ цѣляхъ поддержанія и расширенія нашей торговли послѣ войны необходимо, чтобы различныя части имперіи объединились въ тѣсный коммерческій союзъ и чтобы наши сношенія съ дружескими странами были усилены. Въ этихъ видахъ желательно: 1) установленіе принципа наибольшаго благопріятствованія въ торговыхъ сношеніяхъ между различными частями Британской Имперіи; 2) установленіе того же принципа въ торговыхъ сношеніяхъ между Британской Имперіей и союзниками; 3) поддержаніе добрыхъ коммерческихъ отношеній съ нейтральными странами; 4) ограниченіе при помощи тарифовъ и другими способами торговыхъ сношеній съ вражескими странами, дабы сдѣлать невозможнымъ положеніе, существовавшее до войны, стимулировать развитіе отечественной промышленности и тѣмъ самымъ увеличивать сферу приложенія отечественнаго труда» *).

Одновременно аналогичные голоса несутся изъ-за морей. Тѣ самыя колоніи, которыя 12 лѣтъ назадъ являлись противницами чемберлэновскихъ проектовъ, теперь сами требуютъ мѣръ экономическаго сближенія съ метрополіей. Въ іюлѣ 1915 г. Лондонъ посѣтилъ канадскій премьеръ, сэръ Робертъ Борденъ, въ мартѣ—апрѣлѣ 1916 г.—австралійскій премьеръ, мистеръ Вильямъ Юзъ (William Hughes). Оба они убѣждали англійское правительство мужественно по-

---

*) «Morning Post» отъ 1 марта 1916 года

смотрѣть въ лицо фактамъ и не держаться изъ догматизма или упрямства за пережившіе себя принципы. Особенно энергичнымъ оказался австралійскій премьеръ. Онъ выступилъ въ метрополіи организаторомъ чрезвычайно шумной протекціонистской кампаніи, за что былъ, конечно, высоко поднятъ на щитъ сторонниками тарифной реформы, цѣнившими въ немъ особенно еще то обстоятельство, что самъ онъ, на своей родинѣ, является лидеромъ рабочей партіи. Колоніальные премьеры были энергично поддержаны колоніальной прессой и колоніальными политическими и экономическими группировками.

Каковы же мотивы, выдвигаемые въ настоящее время въ пользу протекціонизма его многочисленными и весьма разношерстными апологетами?

Главныхъ мотивовъ три:

1) Фискальныя соображенія. Война оставитъ націи въ наслѣдство исполинскій долгъ и цѣлый рядъ обязательствъ предъ жертвами войны. Уже сейчасъ признается несомнѣннымъ, что англійскій бюджетъ послѣ заключенія мира (при 2-хъ лѣтней продолжительности войны), по меньшей мѣрѣ, удвоится (вмѣсто 200 мил. ф.—400 мил. ф.). Откуда взять деньги для покрытія этихъ новыхъ расходовъ? Въ числѣ наиболѣе удобныхъ, съ точки зрѣнія господствующихъ классовъ, источниковъ на первомъ мѣстѣ считаются таможенныя пошлины.

2) Интересы отечественной промышленности. Передъ войной многія крупныя и важныя отрасли индустріи (химическая, электро-техническая, изготовленіе станковъ и инструментовъ и т. д.) фактически превратились въ нѣмецкую монополію и, когда разразился міровой кризисъ, Англія оказалась въ крайне затруднительномъ, порой прямо критическомъ положеніи. Больше этого не должно повторяться. Великобританія должна стать, поскольку рѣчь идетъ о такъ наз. «основныхъ» производствахъ, независимой отъ другихъ странъ, дабы въ случаѣ нужды быть въ

состоянiи изготовлять самой наиболѣе существенное и необходимое. Для того же, чтобы дать возможность всѣмъ монополизированнымъ Германiей отраслямъ промышленности развиться на англiйской почвѣ, ихъ надо защитить отъ убiйственной конкуренцiи врага... таможенными пошлинами.

3) Интересы борьбы съ Германiей и заботы объ экономической консолидацiи Британской Имперiи. Трудность и длительность войны съ монархiей Гогенцоллерновъ на полѣ битвы естественно рождаетъ стремленiе «ущемить» ее какимъ-либо инымъ путемъ, и притомъ такъ, чтобы значительно ослабить ея военную мощь на будущее время. Англiйская публика не безъ основанiя усматриваетъ главную причину этой мощи въ необыкновенномъ совершенствѣ исполинскаго индустрiальнаго аппарата Германiи и потому хотѣла бы нанести противнику ударъ какъ разъ въ этотъ наиболѣе существенный пунктъ. Закрыть или хотя бы сильно ограничить доступъ нѣмецкимъ товарамъ въ Британскую Имперiю (а если возможно, то и въ союзныя страны), максимально сузить для нѣмецкой промышленности размѣры экспортнаго рынка, лишить ее прибылей, затормозить ея развитiе, вообще «наказать» ее за грѣхи прусскаго милитаризма—таковы продиктованные бурными настроенiями момента идеалы правящихъ, да и не только правящихъ слоевъ населенiя Англiи и ея колонiй. Согласно этой теорiи, когда война закончится въ траншеяхъ, она должна быть перенесена въ сферу экономической конкуренцiи. И наиболѣе подходящимъ средствомъ для достиженiя данной цѣли признается опять-таки установленiе таможенныхъ тарифовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сторонники протекцiонизма полагаютъ, что эти же тарифы, связывая разбросанныя по морямъ и океанамъ владѣнiя британской короны въ единое хозяйственное цѣлое, будутъ способствовать быстрой и неудержимой консолидацiи великой мiровой имперiи.

И какъ естественное и неизбѣжное послѣдствiе экономическаго сближенiя, намѣчаются и принимаютъ все болѣе кон-

кретныя формы проекты политическаго единенія британскаго царства. Колоній — Канада, Австралія, Южная Африка и др. — по собственной волѣ пришли на помощь метрополіи въ критическую годину ея существованія, и англійское правительство обѣщало уже привлечь ихъ представителей къ выработкѣ условій мира. Сэръ Робертъ Борденъ и Вильямъ Юзъ во время своего пребыванія въ Лондонѣ были приглашены Асквитомъ участвовать въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ англійскаго кабинета — фактъ еще безпримѣрный въ политической исторіи имперіи и потому имѣющій поистинѣ символическое значеніе. На обѣдѣ, устроенномъ «Pilgrims Club» въ честь австралійскаго премьера 17 марта текущаго года, предсѣдатель — извѣстный лордъ Брайсъ (Bryce — самъ видный либералъ, членъ двухъ либеральныхъ министерствъ)—заявилъ: «Отнынѣ, я надѣюсь... имперскія конференціи станутъ болѣе частыми и интимными, и мы всѣ посвятимъ свои силы рѣшенію трудной, но не непреодолимой задачи — созданію конституціи, которая крѣпче и надежнѣе, чѣмъ это было до сихъ поръ, поддерживала бы единство нашей имперіи *). Аналогичныя заявленія вы можете сейчасъ то и дѣло услышать изъ устъ министровъ, политиковъ и публицистовъ, принадлежащихъ къ самымъ разнообразнымъ направленіямъ...

Конечно, не все, что пишется и говорится сейчасъ въ Англіи по интересующему насъ вопросу, можно принимать за чистую монету. Многія крайности, преувеличенія, истерическіе выкрики вызваны неуравновѣшенностью переживаемой эпохи и только затемняютъ истинное существо дѣла. Но и за всѣмъ тѣмъ нельзя все-таки отрицать, что за время войны во взглядахъ и сужденіяхъ господствующихъ круговъ населенія по поводу тарифной реформы произошла глубокая и коренная перемѣна. Тѣнь Чемберлэна встала надъ страной и была встрѣчена отовсюду громовымъ: «Осанна». Волна

*) Цитирую по «Manchester Guardian» отъ 18 марта. 1916 года.

протекціонизма и имперіализма стоитъ теперь въ Великобританіи такъ высоко, что ей не состояніи сопротивляться даже наиболѣе искренніе и убѣжденные сторонники старо-либеральныхъ воззрѣній. Ни органы печати въ родѣ «Manchester Guardian» и «Daily News», ни государственные люди въ родѣ Асквита, Мак-Кенна, Рэнсимена и др. уже не пытаются больше отстаивать въ полномъ объемѣ свое прежнее экономическое и политическое credo; наоборотъ, они всѣ признаютъ наличность новыхъ условій и необходимость въ соотвѣтствіи съ этимъ новыхъ мѣръ и путей, они только просятъ публику не очень торопиться, не рѣшать наспѣхъ, въ самый разгаръ войны, подъ дѣйствіемъ всемогущаго сентимента минуты, сложныхъ проблемъ хозяйственой жизни, требующихъ для своего раціональнаго трактованія трезвой головы и спокойнаго сердца. Однако, даже эти скромныя и вполнѣ справедливыя увѣщанія падаютъ, видно, на каменистую почву и не производятъ желательнаго эффекта. Стихійная волна подхватила Англію и властно несетъ въ сторону осуществленія Чемберлэновскихъ идеаловъ. Какъ-то недавно «Morning Post» не безъ ехидства писала, что, если прислушаться въ настоящее время къ смѣшанному хору голосовъ англійской политической и общественно-литературной жизни, то можно подумать, будто бы фритрэдеровъ въ странѣ больше не существуетъ, будто бы всѣ они вымерли и будто бы Соединенное Королевство населено исключительно лишь одними протекціонистами, не вполнѣ согласными между собой только по вопросу, когда именно должны быть введены тарифы: немедленно же или по окончаніи войны. Нельзя отрицать, въ этомъ замѣчаніи консервативнаго органа кроется много правды. И еще менѣе можно отрицать, что огромный поворотъ умовъ въ вопросѣ о свободной торговлѣ не пройдетъ Англіи безслѣдно, что онъ будетъ имѣть опредѣленныя практическія послѣдствія.

Опять-таки... если это такъ, если идеи тарифной реформы и имперіализма сейчасъ заполонили собой сознаніе націи и

заставили широкіе круги недавнихъ фритрэдеровъ измѣнить свои вчерашнія убѣжденія, — то что же дальше? Не значитъ-ли это, что другому основному устою англійскаго либерализма нанесенъ смертельный ударъ? Не значитъ-ли это, что война и здѣсь только ускорила, только вывела наружу глубокіе внутренніе процессы, медленно созрѣвшіе въ нѣдрахъ британской дѣйствительности на протяженіи послѣднихъ десятилѣтій?

Но вмѣстѣ съ первыми двумя устоями либеральной теоріи и практики — политической демократіей безъ милитаризма и принципомъ свободы торговли — естественно рушится и третій, какъ мы уже видѣли, и раньше не вполнѣ надежный — пацифизмъ. Ибо его корни теперь оказываются подрѣзанными, его живительные источники — изсушенными. Вообразите себѣ, въ самомъ дѣлѣ, исполинскую міровую имперію, обведенную болѣе или менѣе высокими проволочными загражденіями протекціонизма, располагающей могучимъ флотомъ и обширной арміей, управляемую (каковъ бы то ни былъ внѣшній фасадъ государственнаго зданія) капиталистически-военной олигархіей, вынужденную все время тревожно озираться на опасныхъ соперниковъ — Германію, Америку, Японію и др., — да развѣ есть въ этой обстановкѣ и въ этихъ условіяхъ мѣсто для того стараго спокойнаго, самоувѣренно-благодушнаго пацифизма, который пропитывалъ собой господствующіе классы Англіи середины прошлаго вѣка? И, наоборотъ, развѣ не должна способствовать вся эта новая, стихійной силой вещей созданная ситуація развитію «военнаго духа» и «военно-политическихъ устремленій» въ рядахъ до сихъ поръ миролюбивой коммерческой націи? Послушайте, что говорятъ сейчасъ англійскіе политики, о чемъ пишетъ сейчасъ англійская пресса, какія рѣчи раздаются сейчасъ за дружескимъ столомъ, — и вы легко поймете, какую настоящую психологическую катастрофу пережила за минувшіе 20 мѣсяцевъ Великобританія и какъ выросла, какъ окрѣпла въ ней за этотъ періодъ чи-

сто-милитаристская идеологія, столь хорошо знакомая намъ по континентальнымъ, въ особенности, германскимъ образцамъ. Нынѣшняя война еще далеко не закончилась, а между тѣмъ «отвѣтственные круги» англійскáго общества уже сейчасъ полны разговоровъ о формахъ и перспективахъ «будущей войны», которая должна рано или поздно неизбѣжно разыграться и къ которой поэтому необходимо заранѣе подготовиться. «Morning Post» и ей подобные органы изо дня въ день разливаются соловьемъ на тему объ «освѣжающемъ», «оздоровляющемъ», «облагораживающемъ» и т. п. дѣйствіи войны. А вотъ какія мысли высказалъ недавно на торжественномъ политическомъ обѣдѣ въ Лондонѣ все тотъ же австралійскій премьеръ Вильямъ Юзъ:

«Война оказала великую услугу имперіи: она спасла имперію. Она спасла насъ отъ моральнаго и физическаго вырожденія, отъ распада. Ибо я убѣжденъ, что передъ тѣмъ мы съ возрастающей быстротой катились по наклонной плоскости дегенераціи. Я убѣжденъ, что духъ величія имперіи отлеталъ отъ насъ. Мы слабѣли и постепенно теряли тѣ основныя качества, которыя создали нашу расу. Эта война очистила насъ и продолжаетъ очищать и, подобно яркимъ лучамъ солнца, она разсѣяла туманъ взаимной подозрительности, съ которой одинъ классъ относился къ другому» *).

Такъ говорилъ виднѣйшій лидеръ Рабочей Партіи Австраліи. Но, по существу, далеко-ли отъ высказанныхъ имъ мыслей до пламенныхъ тирадъ въ оправданіе войны, такъ часто срывающихся съ устъ германскихъ милитаристовъ? Далеко-ли до исторической философіи Трейчке, Бернгарди, фонъ-Гейдебранда и др., считающихъ войну основнымъ двигателемъ человѣческаго прогресса?

Мистеръ Юзъ — не одинъ, онъ лишь яркій представитель большого и все растущаго движенія мысли въ рядахъ британскаго народа, постепенно захватывающаго въ свой

---

*) «Times» отъ 19 апрѣля, 1916 года.

неудержимый потокъ консерваторовъ, либераловъ, радикаловъ, рабочихъ, даже часть соціалистовъ, и потому-то слова австралійскаго премьера пріобрѣтаютъ характеръ властнаго призыва муэззина къ правовѣрнымъ съ высоты остроконечнаго минарета, потому-то имъ приходится придавать поистинѣ символическое значеніе. Заряженныя ружья нерѣдко сами стрѣляютъ, задачи успѣшной обороны, какъ учитъ опытъ нынѣшней войны, нерѣдко требуютъ ярко агрессивныхъ дѣйствій. Можно-ли при такихъ условіяхъ ожидать, что Великобританія въ наступающій историческій періодъ будетъ столь же пацифична, какъ въ предыдущій, если даже допустить, что основная линія ея внѣшней политики, какъ это весьма вѣроятно, будетъ въ общемъ носить не наступательный, а оборонительный характеръ, если всѣ ея усилія будутъ направлены исключительно лишь на то, чтобы охранить отъ распада ея нынѣшнія исполинскія владѣнія?

Конечно, грядущіе пути развитія темны, но все-таки, если опредѣленныя посылки даютъ право дѣлать опредѣленныя логическія заключенія, мы должны на поставленный выше вопросъ отвѣтить: нѣтъ, ожидать подобнаго результата не приходится.

Старая Англія, та, которую мы знали до войны, умерла и больше не вернется — это фактъ, не подлежащій нынѣ ни малѣйшему сомнѣнію. Та новая Англія, которая выйдетъ изъ бурь и грезъ переживаемой нами эпохи, будетъ сильно отличаться отъ своей предшественницы. Она будетъ имѣть иной политическій обликъ, иныя черты экономическаго, соціальнаго и культурнаго лица. Во всемъ ея существѣ станетъ больше жесткости, непреклонности, суровости, желѣзности, меньше либерализма, свободы, миролюбія и спокойно-сытаго благодушія. И вмѣстѣ съ старой Англіей умеръ также и больше не вернется и старый англійскій классическій либерализмъ, либерализмъ фритрэдерскій, антимилитаристскій и пацифистскій. То теченіе, которое идетъ ему на смѣну и формированіе котораго совершается сейчасъ на нашихъ гла-

захъ, обѣщаетъ быть, наоборотъ, въ большей или меньшей степени протекціонистскимъ, милитаристскимъ и воинственнымъ, и вполнѣ заслуживаетъ наименованія либералъ-имперіализма или, пользуясь установившейся нѣмецкой терминологіей, націоналъ-либерализма. Процессъ формированія пока еще далеко не законченъ, но основныя линіи его достаточно намѣтились. И дѣлая небольшое усиліе воображенія, мы можемъ уже теперь съ значительной долей приближенія нарисовать себѣ образъ этого англійскаго брата знаменитаго германскаго образца.... Указанная эволюція обѣщаетъ сыграть громадную роль во всемъ внутренно-политическомъ развитіи Великобританіи. Глубокое перерожденіе либерализма, происшедшее подъ вліяніемъ войны, дѣлаетъ разницу между обѣими большими буржуазными партіями Англіи (консерваторами и либералами), разницу, которая и раньше постепенно уменьшалась, совершенно нечувствительной. Тѣмъ самымъ создается объективная возможность для ихъ перманентнаго сближенія, быть можетъ, даже для сліянія и для нарожденія въ противовѣсъ этой концентраціи сильной и вліятельной оппозиціи крайняго лѣваго фланга, опирающагося, главнымъ образомъ, на рабочія массы. Не слѣдуетъ только переоцѣнивать степени быстроты намѣчающихся процессовъ. «Медленно движется время» — историческое время, — и особенно медленно въ Англіи. У ея господствующихъ классовъ есть тысячи причинъ и тысячи путей задерживать и тормозить ходъ партійно-политической трансформаціи, и это тѣмъ легче, что главное ядро пролетаріата, съ его парламентской представительницей «Labour Party» (Рабочей Партіей), находится еще всецѣло въ духовномъ плѣну у либеральной буржуазіи, все еще составляетъ ея преторіанскую гвардію и ея политическій придатокъ...

Такова неумолимая логика развитія. Такова трезвая, неприкрашенная дѣйствительность.

Апрѣль, 1916 г. **В. Майскій.**

О патріотизмѣ, западничествѣ и германской соціалъ-демократіи.

I.

In medias res. Въ сборникѣ «Самозащита» А. Н. Потресовъ горько жалуется на то, что «въ Россіи все еще нѣтъ патріотизма, какъ массоваго явленія», тогда какъ на западѣ этотъ патріотизмъ имѣется не только въ изобиліи, но составляетъ основную сущность самой прогрессивной гражданственности. Война проявила это свойство въ западно-европейской соціалъ-демократіи. Бездомный и безотечественный пролетарій превратился въ домовитаго и патріотически настроеннаго гражданина. «Когда-то, въ своемъ Манифестѣ»,— пишетъ А. Н. Потресовъ, — «Марксъ могъ въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что пролетаріатъ не имѣетъ отечества и что, кромѣ цѣпей, ему терять нечего. Съ тѣхъ поръ западно-европейское развитіе привело повсемѣстно къ тому результату, что пролетаріатъ имѣетъ что терять и даже очень большое — свой накопленный имъ, въ границахъ отечества, а потому индивидуально, т. е. національно-гражданственно окрашенный капиталъ труда и борьбы»... «Окрѣпла гражданственность; національно-государственная индивидуальность каждой страны сознала себя и дала въ результатѣ патріотизмъ нашихъ дней, эту стихію, поразившую всѣхъ своей элементарной силой. Отсюда — извѣстная позиція по отношенію къ войнѣ, позиція, о которой много писалось подъ общимъ заглавіемъ «кризисъ соціализма».

Данная А. Н. Потресовымъ концепція совершенно нѣмецкаго происхожденія. Болѣе, чѣмъ за годъ до появленія сборника «Самозащита» она была изложена Вольфгангомъ Гейне *) и потомъ повторялась въ безчисленныхъ варіаціяхъ его единомышленниками, между прочимъ и Давидомъ, который вмѣстѣ съ А. Н. Потресовымъ ополчался противъ «восточныхъ мудрецовъ»,отставшихъ на добрые полвѣка отъ современности **). Это нѣмецкое происхожденіе новой концепціи того, чѣмъ сейчасъ заняты всѣ его думы, дѣлаетъ естественнымъ желаніе провѣрить ее на фактахъ нѣмецкой же дѣйствительности, прежде чѣмъ класть ее въ основу новой политики.

Что національный подъемъ въ Германіи въ началѣ войны былъ стихіей огромной силы, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Вѣрно и то, что онъ захватилъ и германскую соціалъ-демократію, отъ которой всѣ, въ томъ числѣ и А. Н. Потресовъ, ждали иного отношенія къ войнѣ. Диссиденты были немногочисленны и первое время незамѣтны. Но они были. Они потомъ усилились численно и, что всего замѣчательнѣе, это были передовые кадры нѣмецкой рабочей массы. Это послѣдующее развитіе повелительно диктуетъ необходимость вернуться къ первымъ днямъ войны и повнимательнѣе присмотрѣться къ психологіи массъ того времени.

Беллетристически, ради большей наглядности и простоты, допустимо дѣлить массу рабочихъ на два основныхъ типа: одинъ отрицающій и, съ точки зрѣнія Давида-Гейне, отрицательный, отсталый, устарѣлый въ своемъ упорствующемъ радикализмѣ, другой — «пріемлющій», положительный, продуктъ новаго времени, когда соціалъ-демократія перестала быть только объектомъ политики, но стала и субъектомъ ея. Дѣйствительность не совсѣмъ совпадаетъ съ этимъ беллетри-

---

*) См. его брошюру «Культура и Нація», и особенно «Противъ смутьянъ».

**) Д-ръ Э. Давидъ, «Соціалъ-демократія и міровая война», стр. 184—185.

стическимъ дѣленіемъ, да и вообще въ нашъ вѣкъ не приходится основывать политику на психологическихъ типахъ. Но все-таки присмотримся къ этимъ типамъ.

Возьмемъ сперва типъ «отрицательный». Потресовъ находитъ его представителей только на востокѣ, у насъ и въ Сербіи. На западѣ онъ якобы вымеръ въ результатѣ развитія гражданственности. Рѣдкіе представители его тамъ — исключеніе. По Давиду всѣ они, говоря кратко, — «русскіе евреи», люди, которыхъ слѣдовало бы вышвырнуть изъ Германіи. На дѣлѣ же оказалось, что вышвырнуть ихъ не пришлось, ибо къ этому типу относятся и Либкнехтъ, и Мерингъ, и Ледебуръ и очень большое число другихъ менѣе видныхъ, но все же вліятельныхъ «функціонеровъ» изъ рабочей среды. Типъ, правда, стараго закала. Сложился онъ давно, въ эпоху дѣйствія исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ. Но было бы большой исторической ошибкой искать его корни и ограничивать его значеніе внѣшними условіями той эпохи. Корни у этого типа двоякіе. Съ одной стороны, психологія этого типа вытекала, дѣйствительно, изъ невозможныхъ общественныхъ условій того времени, толкавшихъ массу въ сторону крайняго радикализма и послѣдовательнаго отрицанія бисмарковскаго государства. Другіе же корни этого типа — идеологическіе. Вѣдь радикализмъ и отрицаніе не выросли изъ невѣжественной массы, какъ сорная трава, которую никто не сѣялъ, но они были посѣяны Марксомъ и Энгельсомъ, и ихъ ученикамъ и имъ самимъ пришлось вести очень упорную борьбу съ отсталой психологіей того времени, чтобы привить этотъ радикализмъ, чтобы превратить гауптмановскихъ ткачей въ Бебелей. Наличность этого идеологическаго корня уже сама по себѣ должна была сдержать критиковъ нашего времени отъ презрительнаго отношенія къ этому типу, ибо, какъ ни какъ, а въ отношеніи «гражданственности» ближайшіе по времени ученики Маркса и Энгельса въ Германіи стояли далеко впереди отъ героевъ нашего времени.

Типъ этотъ не вымеръ въ Германіи, а сохранился по той именно причинѣ, что сохранились въ принципѣ, хотя и не во всѣхъ подробностяхъ, условія, породившія его, и не утратила актуальности и значенія доктрина, оформившая его мышленіе. И съ самаго начала войны этотъ «типъ» былъ живъ. Онъ былъ заглушенъ, его перекричала улица, но онъ выдержалъ это испытаніе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, со 2-го декабря 1914 года, онъ снова сталъ гласнымъ общественнымъ явленіемъ. Конечно, только небольшое меньшинство современныхъ диссидентовъ нѣмецкой соціалъ-демократіи можетъ считаться чистыми представителями «отрицанія». Это — Либкхнетъ, Рюле, Мерингъ, Р. Люксембургъ и ихъ сторонники. Они мотивируютъ свое отрицательное отношеніе къ «патріотизму» теоретическимъ отрицаніемъ заинтересованности пролетарія въ современной государственной политикѣ и желаютъ совершенно особой классовой политики съ другимъ исходнымъ пунктомъ, чѣмъ дѣйствительность, и съ чрезвычайно далеко идущими цѣлями *). Если бы я былъ нѣмцемъ, я не согласился бы съ ними въ тактикѣ, потому что мнѣ ихъ тактика кажется слишкомъ далеко забѣгающей впередъ, утопичной, слишкомъ оптимистически и потому неправильно оцѣнивающей реальныя возможности, но мнѣ никогда не пришло бы въ голову называть ихъ «восточными мудрецами» или объяснять ихъ утопію и радикализмъ недостаткомъ развитія гражданственности. Точно также я не вижу достаточныхъ причинъ утверждать, что эти люди не имѣютъ будущаго. Колоссальныя потрясенія войны могутъ необычайно обострить противорѣчія и создать этому теченію очень большой резонансъ въ массахъ. Предсказывать будущее — занятіе вообще рискованное, особливо же въ такое время, когда каждый день приноситъ новыя перемѣны.

---

*) Мы не можемъ подробно излагать здѣсь отношеніе къ войнѣ Р. Люксембургъ, Меринга и др. Оно было дано въ журналѣ «Die Internationale». о которомъ читателю, вѣроятно, приходилось слышать.

Другой, положительный съ точки зрѣнія Давида и Гейне типъ—обѣими ногами стоитъ на твердой почвѣ такъ называемой реальности. Онъ вросъ въ государство современности, нашелъ себѣ въ немъ мѣсто и совершенно не склоненъ сдѣлать «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы». Онъ — гражданинъ того государства, въ которомъ онъ живетъ, дѣятельный, активный, сознательный гражданинъ, одинъ изъ лучшихъ гражданъ, — охотно соглашаюсь съ этимъ. Онъ — типъ, господствующій въ соціалъ-демократіи. Но вѣрно ли то, что именно положительныя его стороны привели его къ той позиціи, которая извѣстна въ Германіи подъ именемъ позиціи 4-го августа.

Дѣйствительность не позволяетъ на этотъ вопросъ отвѣчать съ такой увѣренностью, какъ это дѣлаетъ Потресовъ. Не говоря уже объ исключеніяхъ (радикалахъ, оказавшихся крайними «патріотами» и даже имперіалистами, и ревизіонистахъ, перешедшихъ на противоположную сторону), этому мѣшаетъ и то обстоятельство, что этотъ типъ не внесъ положительно ничего новаго въ нѣмецкій патріотизмъ. Что касается патріотизма, какъ любви къ родинѣ или народу, то въ честной полемикѣ никогда одна сторона нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ не упрекала другую въ недостаткѣ этого чувства. (Случаи же нечестной полемики ни Потресова, ни меня и никого другого не интересуютъ). Но кромѣ чувства, позиція 4-го августа опредѣлялась еще и тактическими расчетами. И вотъ въ этомъ отношеніи «положительный» типъ былъ гораздо болѣе предрасположенъ къ воспріятію общей національной психологіи тѣхъ дней, чѣмъ типъ «отрицательный», относившійся къ ситуаціи гораздо болѣе критически, какъ это видно изъ сообщенія Бернштейна о засѣданіи фракціи рейхстага 3-го августа. Эта свойственная нѣмецкому «положительному» типу тактика давно была извѣстна подъ именемъ оппортюнизма. Когда-то это слово считалось чуть ли не браннымъ,

имъ оскорблялись, его боялись, какъ позорнаго клейма. Но эта тактика имѣла свои основанія въ эпоху постепеннаго развитія. Въ день же 4 августа реальная почва, на которой эта тактика возрасла, заколебалась. Наступило міровое землетрясеніе. Въ этотъ моментъ вести прежнюю борозду мнѣ представляется величайшей ошибкой.

Однако, дѣло идетъ не о тактикѣ парламентаріевъ и не о теоретическомъ сознаніи вождей, а о психологіи всей огромной массы. Изъ какихъ фактовъ А. Н. Потресовъ, а вслѣдъ за нимъ Ив. Кубиковъ и др. заключаютъ о какомъ то особенномъ видѣ гражданскаго патріотизма, отличнаго отъ патріотизма всѣхъ другихъ добрыхъ бюргеровъ? Можетъ быть, изъ того обстоятельства, что въ соціалъ-демократической прессѣ въ тѣ печальные для европейской культуры дни было проявлено меньше шовинизма, чѣмъ въ желтой бульварной прессѣ? Но и не вся бюргерская печать была одинаково шовинистична. Впослѣдствіи же хемницкая «Uolksstimme» по части шовинизма превзошла безусловно нѣкоторые органы бюргерской печати. Наоборотъ, въ бюргерской печати возникли органы, которые по этой части были безусловно чище многихъ соціалъ-демократическихъ органовъ, редактируемыхъ несомнѣнными пролетаріями или ихъ признанными вождями. Сравните, напримѣръ, мюнхенскій «Форумъ» съ профессіональной рабочей прессой. Нельзя отрицать того факта, что «Форумъ» въ своемъ европеизмѣ ушелъ безконечно далеко впередъ отъ «Centralblatt», «Metallarbeiter-Zeitung» и другихъ подобныхъ изданій. Или Потресовъ будетъ указывать на то, что національ-соціалисты ограничивали свой патріотизмъ обороной, тогда какъ буржуазный патріотизмъ былъ и остается завоевательнымъ? Факты опять таки не входятъ гладко въ эти клѣточки. Все большая и большая часть націоналъ-соціалистовъ проникается имперіалистическими идеями и склоняется къ завоевательной или замаскированно-завоевательной программѣ. Съ другой же стороны, въ буржуазной средѣ именно въ интел-

лигенціи все больше и больше находится противниковъ этой программы *).

Теперь не только демократъ Герлахъ, заслуженный и вліятельный журналистъ, стоитъ въ этомъ отношеніи гораздо «лѣвѣе» (и лѣвѣе во внутренней политикѣ), чѣмъ правое крыло націоналъ-соціалистовъ, но даже «Berliner Tageblatt» и «Frankfurter Zeitung», часто говорятъ противъ завоевательной программы или происковъ имперіалистовъ рѣшительнѣе, чѣмъ хемницкая «Volksstimme». Потресовъ и Кубиковъ, надѣюсь, не станутъ опровергать этихъ фактовъ софистической фразой, что все это только исключенія, подтверждающія правило.

Но опять-таки мы все еще говоримъ о верхахъ, а не о массѣ. На какихъ же наблюденіяхъ массовой психологіи основывается концепція Потресова? Вѣдь это «Sozialistische Monatshefte» ораторствовали на тему «борьбы противъ русскаго абсолютизма» или доказывали, что Германія—страна наибольшаго соціальнаго прогресса, но массы этимъ не занимались. Массы или молча надѣвали походную форму, когда онѣ были настроены серьезно, или онѣ пѣли «Die Wachtam Rhein», или втыкали цвѣты въ дула винтовокъ уходившихъ солдатъ. Онѣ не разсуждали о нео-патріотизмѣ, не находили нужнымъ оправдываться въ своемъ поведеніи или въ своихъ чувствахъ или чѣмъ бы то ни было другимъ манифестировать свое отличіе отъ другихъ, не-рабочихъ массъ. Единственное отличіе было въ томъ, что организованные рабочіе были культурнѣе уличной черни, но въ этомъ отличіи не было ничего специфически-пролетарскаго. Въ національномъ подъемѣ первыхъ недѣль и мѣсяцевъ войны пролетарскія массы, охваченныя патріотизмомъ, сливались со всей остальной массой націи. Въ этомъ и заключалась перемѣна. Таковъ былъ ея смыслъ. На

---

*) Конечно, я не хочу этимъ сказать, что буржуазія оказалась культурнѣе пролетаріата. Я только констатирую тотъ фактъ, что иные изъ нѣмецкихъ націоналъ-соціалистовъ оказались ближе къ имперіалистамъ, чѣмъ нѣкоторые лѣво-либералы.

этомъ основывался пресловутый «Burgfrieden». Это было подтверждено тысячами заявленій въ прессѣ, въ парламентахъ, въ резолюціяхъ собраній. Нѣмецкіе националъ-соціалисты не отмежевывались въ патріотизмѣ отъ бюргерства, напротивъ, подчеркивали, что не хотятъ въ этомъ отношеніи никакого отмежеванія. И сліяніе съ бюргерствомъ тѣхъ рабочихъ круговъ, настроеніе которыхъ не измѣнилось, продолжалось и укрѣплялось послѣ, что въ достаточной мѣрѣ, кажется, доказывается «переучиваніемъ» националъ-соціалистовъ, ихъ программнымъ сближеніемъ съ либерализмомъ, и даже съ очень умѣреннымъ либерализмомъ. Нѣкоторые националъ-соціалисты докатились до националъ-либераловъ и даже до консерваторовъ. Уже со стороны либерализма, со страницъ прогрессистской и демократической печати появляются протесты или предостереженія противъ столь далекаго переучиванія.

Если бы Ив. Кубиковъ былъ нѣмцемъ и наблюдалъ бы своихъ нѣмецкихъ товарищей, онъ не отказался бы признать, что это патріотическое настроеніе имѣло своимъ главнымъ корнемъ боязнь непріятельскаго вторженія, боязнь разгрома, страхъ за свою родину и не столько страхъ за ея независимость, сколько именно за ея физическую неприкосновенность. Не было никакого нео-патріотизма, а былъ обыкновенный патріотизмъ, по существу тотъ же самый, что во время наполеоновскихъ войнъ. имѣетъ и теперь достаточно реальныя основанія и будетъ ихъ имѣть, пока будутъ войны.

Военное положеніе было равносильно провозглашенію диктатуры императора, временному возстановленію абсолютизма. Это обстоятельство ни малѣйшимъ образомъ не поколебало гражданскаго нео-патріотизма. И я осмѣлюсь сдѣлать непріятное Потресову предположеніе: если бы у насъ не было 17 октября, если бы у насъ въ 1905 г. былъ режимъ Плеве, то и въ этомъ случаѣ отступленіе русскихъ войскъ до Двины и Пинскихъ болотъ вызвало бы по существу точно такую же пере-

мѣну настроенія, какъ и теперь. Нео-патріотизмъ—это только пріукрашиваніе своего отступленія, идеологическая надстройка, придуманная впослѣдствіи, примиреніе съ фактами, которые представляютъ собой тяжелую пробу жизни.

II.

Что такое патріотизмъ?

Если подъ этимъ словомъ разумѣть любовь къ своей родинѣ, т. е. къ странѣ въ географическомъ смыслѣ, и къ ея народу съ его особымъ языкомъ, бытомъ, культурой, то это естественное чувство вѣчно, присуще всѣмъ и колеблется только въ степени напряженія, въ зависимости отъ индивидуальныхъ свойствъ человѣка или историческихъ условій, но съ политическими программами и съ политической тактикой оно не связано. Князь Курбскій, который «отъ царскаго гнѣва бѣжалъ», былъ патріотъ въ этомъ смыслѣ, хотя въ государственномъ смыслѣ Иванъ Грозный имѣлъ всѣ основанія считать его измѣнникомъ. Пламенно любятъ и любили свою родину люди всѣхъ программъ и направленій. Понимаемый, какъ любовь къ родинѣ, патріотизмъ не есть категорія политики, а только морали. И если изъ этой любви что-нибудь слѣдуетъ, то только та линія поведенія, которую проповѣдуетъ Евангеліе: «возлюби ближняго твоего, какъ самого себя».

Но только въ совершенно недифференцированномъ обществѣ, не знающемъ никакой политики, патріотизмъ можетъ оставаться для всѣхъ равнымъ свойствомъ общественной морали. Исторически мы видимъ политическій патріотизмъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ. Въ средніе вѣка онъ имѣлъ характеръ привязанности къ династіи и эта черта сохранилась вплоть до нашего времени. Бисмаркъ утверждалъ, что нѣмцы только черезъ преданность къ своимъ королямъ и герцогамъ пришли къ признанію имперіи. Въ эпоху борьбы като-

личества съ реформаціей патріотизмъ былъ окрашенъ религіозно. И эта черта сохранилась до нашихъ дней: большинство монархическихъ конституцій предписываютъ монарху, какого вѣроисповѣданія онъ долженъ держаться. Во время Петра Великаго патріоты стараго закала видѣли патріотизмъ въ небритыхъ бородахъ и старыхъ боярскихъ костюмахъ. Во время великой французской революціи патріотомъ называли того, кто рубилъ головы аристократамъ и самому королю. У насъ въ самое недавнее время, послѣ 1905 года, черносотенцы монополизировали патріотизмъ для себя, а теперь дѣло идетъ къ тому, что имъ наклеютъ на лобъ, помимо ихъ воли, кличку нѣмецкой партіи, патріотизмъ же на обывательскомъ разговорномъ языкѣ будетъ синонимомъ прогрессивнаго блока. Политическое содержаніе патріотизма мѣняется весьма существенно.

Война внесла въ это содержаніе только то существенно новое, что вмѣсто народа и націи центръ тяжести перенесенъ на государство. Народническій характеръ патріотизма мѣняется на государственный. Совершается переходъ отъ націонализма къ имперіализму. Объектомъ патріотической любви становится не культурно-національная общность, а государственность и притомъ преимущественно въ ея внѣшнемъ проявленіи. Это новое, дѣйствительно, внесено послѣднимъ развитіемъ западно-европейскихъ государствъ, но не соціалистами, а имперіалистами.

Нѣмецкіе имперіалисты со свойственной нѣмцамъ основательностью продумали до конца идею современнаго націонализма и создали систему, импонирующую своею последовательностью. Здѣсь нѣтъ мѣста излагать ее цѣликомъ. Укажемъ только, что имперіалисты, основывая свои планы въ конечномъ счетѣ на численности населенія и развитіи производительныхъ силъ, географическихъ условіяхъ и торговой статистикѣ дали своей политической доктринѣ дѣйствительно научное обоснованіе, но только въ томъ смыслѣ, что заставили науку служить ихъ корыстнымъ цѣлямъ. Эти

цѣли: внѣшнее могущество государства, обезпечивающее возможность широкой колоніальной дѣятельности и распространенія сферы вліянія въ отсталыхъ странахъ во имя исключительно благопріятныхъ условій ихъ всесторонней эксплуатаціи. Такъ какъ цѣли эти преслѣдуются (въ различныхъ формахъ) всѣми и такъ какъ проистекающая отсюда конкуренція въ концѣ концовъ приводитъ къ открытой борьбѣ, то внѣшняя сила государства является для имперіалистовъ важнѣйшей національной задачей современности, національнымъ идеаломъ. Отсюда слѣдуетъ, что внѣшнему положенію государства должно быть принесено въ жертву и его внутреннее состояніе, если это потребуется: имперіализмъ внѣшній логически приводитъ къ имперіализму внутреннему, говорятъ они. Государство, имперія, въ ихъ представленіи есть та высшая цѣль, передъ которой должны отступить «частныя» цѣли отдѣльной культурной человѣческой личности, націи, если она не сливается съ государствомъ, общественнаго класса.

Нельзя отрицать того факта, что эти новыя черты національизма остались безъ вліянія и на патріотически настроенныя народныя и въ частности рабочія массы, и притомъ не въ одной только Германіи, но даже и во Франціи, несмотря на то, что Франція—единственная изъ великихъ державъ, ни на одномъ театрѣ не ведущая завоевательной войны (если оставить въ сторонѣ эльзассъ-лотарингскій вопросъ, имѣющій только локальный и больше романтическій, чѣмъ экономическій и государственный интересъ). И у національно настроенныхъ рабочихъ, и у ихъ идеологовъ національные интересы играютъ роль, почти сливаются въ представленіи съ государственными интересами. Различіе между понятіями народа и государства заволакиваются пеленой шрапнельнаго дыма. Классовыя противорѣчія теряютъ остроту прежняго воспріятія.

Французскій гражданинъ Гэдъ говоритъ о государствѣ, какъ о домѣ, находящемся въ совмѣстномъ владѣніи и поль-

зованіи капиталиста и рабочаго, хотя послѣднему, можетъ быть, и отведена въ этомъ домѣ одна только мансарда. Русскій гражданинъ А. Н. Потресовъ говоритъ уже не о домѣ съ мансардой, а о «храмѣ», въ которомъ, какъ извѣстно, мансардъ не бываетъ, а есть только одинъ общій алтарь и возжены общіе свѣтильники. Да проститъ мнѣ А. Н. Потресовъ, но это сопоставленіе вызываетъ усмѣшку и, слыша отъ него съ паѳосомъ произносимое слово «храмъ, мнѣ невольно хочется ему сказать словами Мефистофеля:

«Wie magst du deine Rednerei
Nur gleich so hitzig übertreiben?»

Демократическая культура — это одно изъ основныхъ ея свойствъ—вела борьбу противъ всего, что подавляетъ человѣческую личность, противъ всякихъ заоблачныхъ авторитетовъ, противъ титановъ въ древней Греціи, противъ геральдики средневѣковья, какъ и противъ мистики «богостроительства» Мережковскаго. Она всегда освобождала простого человѣка отъ всякаго засилья въ его душѣ, учила его смотрѣть на вещи трезво, позитивно и смѣло и тѣмъ самымъ подчинять все человѣческой личности.

Паѳосъ Потресова — въ реальныхъ условіяхъ нашего времени — не очень вяжется съ демократизмомъ. Если онъ, входя въ зданіе, которое по его собственнымъ словамъ наполнено всякой скверной, первымъ дѣломъ преклоняетъ колѣна, то это опять-таки кажется чѣмъ-то неумѣстнымъ, страннымъ. Я на его мѣстѣ въ этомъ случаѣ не только не преклонилъ бы колѣнъ на мѣстѣ, наполненномъ «всякой скверной, но, не снимая шапки, попросилъ бы спутниковъ прежде всего помочь мнѣ убрать всѣ эти нечистоты, а потомъ, обойдя все зданіе, посмотрѣть, какимъ образомъ можно превратить его въ пригодное для жилья состояніе. Пусть Мережковскіе ругаютъ насъ, какъ имъ будетъ угодно, но мы не строимъ никакихъ храмовъ, которые будутъ господствовать надъ нами, а зданія, сооруженныя для народа, т. е. для себя самихъ, мы лучше пока не будемъ называть

храмами. Кромѣ того, хорошій каменьщикъ во время работы можетъ насвистывать бравурную пѣсенку — работа идетъ ходчѣе, но никогда не будетъ произносить патетическихъ рѣчей о своей работѣ. Да и строимъ ли мы что-нибудь или все еще ждемъ разрѣшенія на постройку?

Я не склоненъ пренебрегать ни малѣйшимъ реальнымъ успѣхомъ. Каждую самую скромную реформу вмѣстѣ съ З. Бернштейномъ я привѣтствую, какъ дѣйствительный шагъ впередъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я считалъ бы заблужденіемъ или введеніемъ въ заблужденіе другихъ мысль о томъ, что въ нашей русской дѣйствительности мы имѣемъ какія-то домовладѣльческія права или что мы сдѣлали что-нибудь существенное въ смыслѣ очищенія нашей родины отъ «скверны». Все это пока остается дѣломъ будущаго.

Вернемся къ примѣру германской соціалъ-демократіи. Какое свое пониманіе патріотизма противупоставили нѣмецкіе рабочіе имперіалистамъ? Потресовъ говоритъ: буржуазный патріотизмъ — завоевательный, пролетарскій же — чисто оборонительный. Не совсѣмъ правильно такое противупоставленіе, потому что не всѣ буржуазные слои должны непремѣнно и всегда быть сторонниками завоевательной программы. Среди буржуазіи всѣхъ странъ есть много сторонниковъ чисто оборонительной программы. Въ нѣкоторыхъ странахъ, напр., въ Бельгіи, эта программа — общенародная, въ другихъ она можетъ при извѣстныхъ условіяхъ стать общенародной и быть принятой даже недавними имперіалистами завоевательнаго типа. Вѣрно то, что классовые интересы пролетаріата не требуютъ никакихъ завоеваній, какъ и экономическіе интересы нѣкоторыхъ буржуазныхъ слоевъ. Вѣрно и то, что пролетаріатъ все больше и рѣшительнѣе противупоставляетъ завоевательной программѣ чисто оборонительную. Но точность требуетъ сказать: и н и ц і а т и в а т а к о г о п р о т и в у п о с т а в л е н і я и н а и б о л ь ш а я а к т и в н о с т ь и с х о д и т ъ и з ъ т ѣ х ъ и м е н н о с л о е в ъ и о т ъ т ѣ х ъ п р е д с т а в и т е л е й к л а с с о в о г о

движенія, которые не «переучились», но остались на прежней точкѣ зрѣнія.

Въ Германіи это — оппозиція. Это Каутскій, а не Гейне или Давидъ написалъ въ Германіи брошюру, въ которой программѣ имперіалистовъ противупоставляется право націи на самоопредѣленіе. Наоборотъ, національно настроенные соціалъ-демократы совсѣмъ не склонны заниматься національнымъ вопросомъ угнетенныхъ націй, потому что они заняты своимъ государственнымъ вопросомъ. Каутскій же въ своемъ противупоставленіи исходитъ не изъ какихъ-либо новыхъ оцѣнокъ вновь накопленнаго «національно-гражданственно-окрашеннаго капитала труда и борьбы», а изъ положеній стараго радикализма. «Оборонительный патріотизмъ», какъ называетъ его Потресовъ, т. е. отрицаніе всякаго національнаго насилія вытекаетъ непосредственно изъ понятія демократіи и не нуждается ни въ какомъ новомъ обоснованіи.

III.

Всякому праву соотвѣтствуетъ обязанность признавать такое же право за другими. Опытъ германской соціалъ-демократіи показалъ, что эта азбучная истина болѣе гарантирована тѣмъ старымъ мышленіемъ, которое, сохраняя прежнее критическое отношеніе къ дѣйствительности, не позволяло увлечь себя національнымъ паѳосомъ, привнесеннымъ со стороны чуждыхъ элементовъ. Германская оппозиція пришла къ интернаціональности, потому что она умѣла выдѣлить себя изъ общей стихіи, потому что она сознательно не сливалась съ ней. Наоборотъ, германскіе націоналъ-соціалисты, которые вмѣстѣ съ А. Н. Потресовымъ (но годомъ раньше его) развивали теорію «организма, какъ цѣлаго, съ которымъ каждая часть тѣмъ больше связывается, чѣмъ ин-

тенсивнѣе ея жизнедѣятельность» *), эти германскіе націо-налъ-соціалисты до сихъ поръ ни къ какой интернаціональности не пришли, хотя по Потресову «черезъ патріотизмъ — иного пути нѣтъ» только и можно придти къ интернаціональности.

И это случилось не спроста, а именно потому, что новыя чувства замѣнили или оттѣснили на задній планъ другое чувство, чувство классовой солидарности. Это оттѣсненіе произошло не сразу, но совершалось постепенно и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. По недостатку мѣста мы не можемъ здѣсь описывать весь этотъ процессъ. Заканчивается онъ тѣмъ, что германскіе націоналъ-соціалисты все болѣе и болѣе теряютъ свободу самостоятельнаго движенія внутри «цѣлаго», а начался онъ съ того, съ чего онъ начинается у Потресова. Всѣ симптомы совпадаютъ до мельчайшихъ подробностей.

Теперь же все болѣе и болѣе становится яснымъ, что разрѣшеніе національной программы въ Германіи въ духѣ чистой самообороны совершенно невозможно съ точки зрѣ-

---

*) А. Н. Потресовъ дальше пишетъ: «Вѣдь реформируютъ цѣлое; вѣдь если хотятъ въ корнѣ измѣнить—то именно цѣлое; всюду и всегда это цѣлое является фокусомъ всякихъ усилій, основами и рамками дѣятельности для любой изъ частей, для каждой группы и партіи, какъ бы принципіально враждебно она ни была данному строю этого цѣлаго» («Самозащита., стр. 7). Въ № 6 за 1915 годъ. «Sozial. Monatshefte» Wally Zepler писала: «Если признать въ націи нераздѣлимую, всеохватывающую живую форму народнаго организма, понимать ее какъ органически выросшее, растущее извнутри или погибающее цѣлое, то проблема разрѣшается сама собой и для рабочаго класса. И онъ, какъ самая крупная единица внутри цѣлаго, можетъ жить только вмѣстѣ съ нимъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ растетъ или погибаетъ». Полное совпаденіе взглядовъ: только каждый хлопочетъ о своемъ «цѣломъ» и мало озабоченъ тѣмъ, какъ прозябаетъ другое «цѣлое». По этой концепціи человѣчество похоже на лѣсъ изъ смѣшанныхъ породъ, каждая изъ которыхъ живетъ совершенно особой жизнью. Какой садовникъ будетъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы одна порода не заглушила другую?

нія политики «цѣлаго». Ибо «цѣлое», руководимое Вильгельмомъ, зашло такъ далеко, что для него, какъ цѣлаго безъ кавычекъ, счастливаго выхода быть не можетъ. Нѣмецкой націи война причинила страшныя раны. Отъ полнаго, непоправимаго истощенія можетъ спасти только рѣшительный поворотъ въ сторону другой политики. Необходимость самостоятельной внѣшней политики становится все болѣе настоятельной для нѣмецкой демократіи. Защита націи въ ея дѣйствительныхъ (народныхъ, а не капиталистическихъ) интересахъ лучше можетъ быть обезпечена дѣйствительно народной демократической политикой, чѣмъ 42-сантиметровыми пушками. Для спасенія собственной родины придется выдѣлиться изъ «цѣлаго», иначе спасительный поворотъ не совершится или совершится слишкомъ поздно. Когда-нибудь, конечно, и Вильгельмъ заключитъ миръ, но можетъ быть онъ заключитъ его только тогда, когда силы націи (человѣческія силы населенія и производительныя силы страны) будутъ подорваны непоправимо.

У насъ, въ Россіи, вопросъ стоитъ иначе. У насъ вопросъ внѣшней политики вообще еще не былъ народнымъ достояніемъ. Въ частности, наша соціалъ-демократическая печать имъ вовсе не занималась. Нѣкоторыя фразы въ статьѣ А. Н. Потресова показываютъ, что у насъ до сихъ поръ нѣтъ, какъ говорятъ нѣмцы, даже «никакого предчувствія» того, какія тутъ открываются перспективы, если немножко поворошить листы исторіи. Но эту тему мы не можемъ включать, по многимъ соображеніямъ, въ эту статью. Мы хотѣли бы только пожелать новымъ западникамъ въ этой еще только слегка затронутой ими области подражать западнымъ образцамъ болѣе удачно, чѣмъ они это дѣлали до сихъ поръ.

Энзисъ.

Ц. 70 к